

ГОЛОС ЗАРУБЕЖЬЯ

43

МЮНХЕН 1986

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Протоиерей Д. Константинов. Слово о Рождестве	1
В. Зарубин. Венгерское восстание в 1956 году	3
М. Гольдштейн. Полвека укрощения русского искусства	10
Д. Штурман. "Во имя истины и спасения"	16
Л. Люиг. Размышления о Рейкьявике.	20
М. Михайлов. О терроризме.	22
Протоиерей Д. Константинов. "Советский космический атеизм	25
Е. Кармазин. Критические заметки	28
В. Рудинский. Обзор зарубежной печати.	32
Н. Воейков. Композитор А. К. Глазунов	39
А. Г. Крушение империи	41
Вопросы совести. Письмо в редакцию	44
С. Тиктин. Чернобыль – Чернобыль.	47

ГОЛОС ЗАРУБЕЖЬЯ

№43

Декабрь 1986

МЮНХЕН

*МЫ ПОЗДРАВЛЯЕМ НАШИХ СОТРУДНИКОВ И
ЧИТАТЕЛЕЙ С РОЖДЕСТВОМ ХРИСТОВЫМ И НОВЫМ
ГОДОМ И ЖЕЛАЕМ ИМ ВСЕГО ХОРОШЕГО В НОВОМ
ГОДУ.*

Редакция

Протоиерей Д. КОНСТАНТИНОВ

СЛОВО О РОЖДЕСТВЕ

Снова пришли рождественские праздники. Почти в каждом органе нашей печати, так или иначе, будут опубликованы статьи и материалы, посвященные Рождеству. Казалось бы, написано столько, что и писать, по существу, уже больше нечего. И, тем не менее, несмотря на огромное количество рождественских статей, можно еще очень многое сказать по поводу этого христианского праздника. Слишком большой отпечаток на судьбах мира оставило Рождество Христово. И не только этого мира, но и того невидимого мира, который реально существует, но не является зримым для всех. Для одних последний — несомненная реальность, часто запечатленная явной промыслительностью жизни тех или иных людей, для других — вероятная гипотеза, для третьих — ирреальный миф, рожденный в глубинах истории человечества.

Прошло почти две тысячи лет с тех пор, как в мире свершилось подлинно чудесное событие, почти не замеченное современниками, но оказавшее огромное влияние на жизнь человечества. И мы снова и снова говорим о Рождестве Христовом, о явлении в мир Спасителя, Господа нашего Иисуса Христа, и, очевидно, будем говорить об этом до конца человеческой истории.

Мир любит славу, богатство, власть... Но богатство, слава, власть могут быть совершенно различными. С человеческой точки зрения, обыденного сознания, Христос приходит в мир не в славе и богатстве. Он рождается в тихом, провинциальном городе Вифлееме, в скромной семье, добывавшей себе

средства к жизни плотничьим делом. Но рождаясь в семье скромного плотника, какую необычайную духовную власть приобретает Он на земле, источником какого духовного богатства Он явился для людей, какую подлинно божественную славу Он обрел в веках!

Христос рождается в Вифлееме иудейском, но в первую же ночь Своей земной жизни Он почти не имел крыши над собой. В эту ночь все тогда весьма немногочисленные гостиные города были переполнены в связи с народной переписью, проводившейся в Иудее по распоряжению римских властей. По этой же причине Святое Семейство оказалось в это время в Вифлееме. И так как места в гостинице не было, то Мать Иисуса, вместе с другими, оказавшимися без крова, нашла себе пристанище за городом в пещере, в которой в плохую погоду укрывался скот.

Господь рождается в обстановке, лишенной даже тех примитивных удобств, какие имелись тогда в самых скромных жилищах. Его Мать спеленала Младенца и положила Его в ясли на солому, потому что иного места для Него в этом мире не оказалось. И лишь после того, как освободилось место в одной из гостиниц, Святое Семейство перешло туда и осталось некоторое время в Вифлееме, чтобы выполнить предписание властей и дать отдых Его Пречистой Матери. Уроки смирения и оценки реальности традиционных ходячих ценностей мира сего!

Кто встретил пришествие Христа в мир? Кто склонился перед Ним в эту святую ночь? К Нему пришли не великие мира сего, а бед-

ные пастухи, пасшие свой скот неподалеку от пещеры. Они пришли к Нему и окружили ясли, в которых Он лежал, и в своей простоте, не искушенной земной мудростью, радостно и благоговейно поклонились Тому, Кто определил и определяет ход земной истории в продолжение многих веков. Простота, искренность, непосредственность были теми ценностями, которыми мир встретил Рождество Христово, уполномочив на эту встречу вифлеемских пастухов. На большее, с земной точки зрения, мир не был согласен.

Весь ли мир? Нет, не весь. Христа встретило и нечто иное, также положительное. В эти самые дни представители таинственной древней науки, трое восточных мудрецов — ученых, знавших о явлении в мир Спасителя, приехали поклониться Ему. Они принесли в дар Младенцу золото, ладан и смирну, то лучшее, что могла в то время дать из своих материальных ценностей Земля. Восточные ученые своим прибытием в Вифлеем символизировали неразрывный союз подлинной науки с христианскими ценностями, принесенными на нашу планету две тысячи лет назад.

Есть Истина и есть относительные истины. Первую люди ищут и в своих заблуждениях не могут найти. Подлинная истина не терпит крикливой человеческой рекламы, она воздерживается от почестей, на которые столь падки люди века сего. Она избегает "народных восторгов", ей не нужен дешевый и непродуманный, постоянно сменяющийся общественный авторитет. Истине не нужна общественная поддержка. Она ее не ищет, так как ее сила превосходит все тленное, человеческое. Она приходит в мир, остается в этом мире, привлекая к себе всех любящих ее.

Относительные истины, подчас преходящего характера, наоборот, ищут так называемой популярности, авторитета, несмолкаемой рекламы — всех тех временных и спорных ценностей, которыми окружают себя сыны века сего. Они тоже нужны на своем месте, но блекнут при сравнении с абсолютной и неменяемой Истиной.

Две тысячи лет назад Вифлеем сталместилищем пришедшей в мир Истины, ставшей сердцем и совестью огромной части человечества. Господь родился в Вифлееме в более чем скромной обстановке и в дальнейшем, до Своего выхода на проповедь, пребывал в обычных условиях, свойственных трудящемуся человеку того времени. Христос не с сильными и богатыми. Он с теми, кто добросовестно и честно трудится и добывает сам все необходимое для жизни, смиренно и с верою во всемогущий Промысл совершает свой земной путь. "Днесь Христос в Вифлееме рождается от Девы; днесь Безначальный зачинается, и Слово воплощается; силы небесные радуются и земля с человеки веселится;

волхвы Владыке дары приносят, пастыри рожденному дивятся. Мы же непрестанно вопием: Слава в вышних Богу, и земли мир в человецех благоволение!"

Но благоволение относилось не ко всем людям. С первых же дней Своего земного бытия, Он сразу же сталкивается с противоборствующим злом, стремившимся погубить Его. На Него ополчается земная сила, объятый злом правитель иудейский Ирод, ошибочно видящий в Богомладенце потенциального претендента на его подвластный Риму престол. В результате этого противоборства Святое Семейство уходит в Египет во имя спасения Младенца. Можно сказать и по-другому: Святое семейство эмигрировало в Египет, спасаясь от гонений светской власти. И пусть об этом факте, часто забываемом, помнят все те верующие люди, которые подчас скорбят о своей судьбе эмигрантов. Эмиграция, конечно, не шутка и не увеселительная прогулка. Но и путешествие из Вифлеема в Египет пешком, с помощью лишь скромного ослика, через жаркую и бесплодную пустыню — было весьма трудным и опасным шагом. Но зло беснуется, и после ухода Святого Семейства в Египет происходит избиение младенцев, родившихся в Вифлееме. Льется кровь ни в чем не повинных детей. Зло торжествует в слепой надежде, что среди погубленных окажется и Тот, Кому поклонились великие мудрецы Востока и Кого они называли "родившимся царем иудейским". Но этого, как известно, не случилось. И через некоторое время Господь со Своими земными родителями возвращается обратно и поселяется в Назарете.

Спаситель пришел в мир именно тогда, когда значительная часть человечества, на плечи которой падала главная ответственность за исторические судьбы людей, духовно созрела для Его принятия. Эта часть человечества, прошедшая через бездонные глубины еврейского единобожия, через легкую, как бы прозрачную ткань античной культуры, через таинственную мистику Египта, воспринявшая наследство более древних языческих культов, готовилась стать восприимчивой нового благовестия, воплощенного в Новом Завете. Для восприятия (хотя бы очень несовершенного) Нового завета надо было ориентироваться не только на ученых книжников или философов, которых было тогда не так уж и много. Речь в данном случае идет не об избранных мира сего, а о том, что учение Христа должно было быть воспринято обыкновенным средним человеком той эпохи. И что это именно так, ясно видно из следующего примера: Евангельское благовестие одинаково действительно воспринимается учеными интеллигентами того времени — апостолом Павлом и врачом Лукой и простыми рыбаками Галилейского озера, ставшими апостолами и пошедшими за Ним.

В СССР власть стремится помешать верующим праздновать Рождество Христово. Там этот день не является праздником. Это обычный рабочий день, отличающийся от других дней усиленной слежкой за всеми, кто может, но не должен посетить Божий храм. Советские атеисты в своей антирождественской пропаганде заявляют, что ранние христиане заимствовали рассказ о Рождестве, который, по их мнению, является легендой, из религий, сложившихся задолго до возникновения христианства. Зачем это делали христиане? И кому это было нужно? Атеисты не объясняют. Весьма условные и более чем приблизительные параллели между повествованием о Рождестве Христовом и мифами древних религий свидетельствуют не о том, что христиане заимствовали эти мифы у древних религий, а о

том, что более древние религии интуитивно чувствовали те истины, которые в полноте и целостности явились в христианстве, и весьма несовершенно трансформировали их в своих сказаниях. А разве Ветхий Завет не имеет предсказаний о Рождестве?

Можно много говорить на эти темы. Можно требовать — не ставить рождественские украшения в американских городах, так как они якобы нарушают конституционные свободы американских граждан. Можно изгонять отовсюду Богомладенца. Можно вести ожесточенную богоборческую пропаганду и преследовать всех празднующих Рождество. Многого можно делать. Но одного сделать невозможно: победить родившегося Богомладенца. Это темным силам не дано... ■

30 лет тому назад

В. ЗАРУБИН

ВЕНГЕРСКОЕ ВОССТАНИЕ В 1956 ГОДУ

Свидетельство очевидца и участника

Передо мной венгерский молодежный журнал "Мадьяр Ифюшаг" от 31 октября 1986 г., в котором освещаются события тридцатилетней давности. Освещаются ложно, многое замалчивается, сама Венгерская революция называется "контрреволюцией"...

Официальные источники о революции 1956 года предпочитали умалчивать, а если все-таки кое-что изредка писали, то лгали. Но, тем не менее, если отбросить словесную пропагандную коммунистическую шелуху, видно, что они не смогли обо всем умолчать. Местами просачивается правда. Но главной правды и на этот раз не сказали, той правды, которую участники этих событий никогда не забудут...

Закрываю глаза, и передо мной — картина пылающего героического Будапешта. Баррикады, студенты и молодые рабочие с автоматами в руках, с гранатами за поясом, сотни горящих советских танков, уничтоженные советские бронетранспортеры, сотни трупов — и русских, и мадьярских. Разбитые дома, разрушенный город... Вспоминается то, что казалось началом общего освобождения: советские солдаты, братающиеся с восставшими, сменившие ненавистную красную звезду на венгерский национальный герб, советские солдаты с венгерскими национальными флагами. И, наконец, коварное нападение новых, еще не бывших в Венгрии, частей советской армии, "докомплектованных" спецдивизиями, под общим командованием чекиста Серова... Снова тяжелые бои, расстрел сотен советских солдат и офицеров, перешедших на сторону революции. Всеобщая забастовка по всей Венгрии. И в конце террор, террор, кровавый

красный террор. Беспощадная расправа...

Героическая Венгерская революция, не получив ниоткуда помощи, была подавлена огнем и мечом.

Два события приблизили Венгерскую революцию: разоблачение "культа личности" в Советском Союзе и Познаньское восстание, т. е. фактически волнение во всей Польше.

Когда в СССР к власти пришел Хрущев, в Венгрии все еще властвовал всем ненавистный Матяш Ракоши, один из закоренелых сталинистов. Тюрьмы и лагеря были переполнены, крестьяне загнаны в колхозы, 10-миллионная маленькая страна стала нищей, жить становилось все хуже. Хорошо жила только коммунистическая верхушка во главе с Ракоши и его помощниками Михаем Фаркашем и Эрне Гере.

Но после смерти Сталина и они не смогли предотвратить посягательство на реабилитацию расстрелянного Ласло Райка, бывшего министра внутренних дел. Жена Райка, его сын и тысячи других людей, в том числе и Янош Кадар, были выпущены из лагерей и тюрем. Стало известно, что АВО, венгерская госбезопасность, применяла изощренные пытки. В частности, полковник АВО Владимир Фаркаш и его отец, министр обороны, лично пытали Яноша Кадара.

Но Ракоши не сдавался. Он еще раз сумел в 1955 году исключить из партии своего оппонента и обвинителя Имре Надя. Однако под давлением собственной партии, опасавшейся реакции народа, он должен был подать в отставку, поставив вместо себя генсеком Эрне Гере. Сам Ракоши, предчувствуя недоброе,

бежал со своей женой в Советский Союз. Однако это не утихомирило страсти. Отовсюду слышались требования арестовать Фаркаша и его сына, восстановить Имре Надя и убрать Гере. Требование это было выполнено: Имре Надя восстановили, а Фаркашей посадили в тюрьму. По всей стране стали открыто ставить вопросы: как дошло до таких беззаконий и будут ли привлечены к ответу виновные? В дискуссиях, в первую очередь, участвовали студенты всех вузов, писатели и журналисты, среди которых было немало невинно побывавших в тюрьмах. Это и было началом "Дискуссионного клуба им. Шандора Петефи". Шандор Петефи — величайший поэт, основоположник современной венгерской поэзии, автор венгерского национального гимна, погибший (в возрасте всего 23 лет) во время венгерской революции 1848 г.

Дискуссии проводились в самых больших залах, всегда переполненных. Венгерская "Литературная газета", сообщавшая об этом, расхвывалась у ворот типографии. Так у негодующих и дискутирующих людей начали выкрикиваться требования, которые в конце концов оформились в 14 пунктов. Вот эти пункты:

- вывести советские войска из Венгрии;
- переизбрать все руководство;
- образовать новое правительство во главе с Имре Надем;
- открыто судить Фаркашей и требовать от СССР выдачи для открытого суда Ракоши;
- провести тайные выборы с участием всех запрещенных партий, обеспечить право на забастовку;
- пересмотреть венгерско-советский и венгерско-югославский договоры, заключить новые договоры на принципе равноправия;
- пересмотреть все социалистическое плановое хозяйство и передать его в руки специалистов;
- требовать, чтобы СССР платил за урановую руду Венгрии по международным ценам, в конвертируемой валюте;
- пересмотреть производственные нормы для рабочих;
- пересмотреть колхозную систему и дать возможность крестьянам обрабатывать свое хозяйство единолично;
- создать независимые экономические и политические суды, потребовать возвращения всех венгерских военнопленных из СССР;
- обеспечить полную свободу слова, в частности, высказываний по радио, создать независимый печатный орган Независимого союза студентов Венгрии;
- разрушить памятник Сталину, построить на его месте памятник героям Венгерской освободительной революции 1848 — 1849 гг.;
- вместо чуждого венграм нового герба вернуть стране герб Кошута (руководителя

революции 1848 г.), а венгерской армии — традиционную венгерскую военную форму, вместо чужой советской.

Впоследствии студенты прибавили еще два пункта:

- студенты будапештского ВТУЗа выражают полную солидарность с польской молодежью, борющейся за свободу своей страны;
- студенты ВТУЗа требуют созыва молодежного парламента, где бы представители молодежи всех слоев могли продолжать свободно говорить о своих проблемах.

Нужно сказать, что в то время, когда еще была жива сталинщина, это были требования "с венгерским перцем"! Их отпечатали в тысячах экземпляров, добровольно, в нерабочее время, рабочие государственных типографий. Листовки были распространены по всем предприятиям, по всему городу, попали в другие города и села.

Студенты и представители Клуба им. Петефи решили организовать мирную демонстрацию к государственному радио и к зданию парламента. В этот день, 23 октября, после обеда, из ВТУЗа, находившегося в Буде, студенты с венгерскими флагами пошли к мосту через Дунай, чтобы попасть в Пешт. Вскоре к студентам присоединились и рабочие заводов. Казалось, что весь Будапешт вышел на улицу. Вероятно, так это и было. Городской транспорт остановился. Толпы людей — у каждого листовка или пачка листовок — заполнили улицы.

Большая толпа людей направилась к памятнику Петефи, где ее представители огласили требования и спели венгерский национальный гимн. И там впервые в венгерском флаге появилась знаменитая дыра — из него был вырезан красноезвездный герб. Через некоторое время на всех флагах, а их было тысячи, зияла в центре большая дыра.

Другая большая толпа народа заполнила площадь у парламента. Третья двинулась к 33-метровому памятнику Сталину. К вечеру появились грузовики с сотнями рабочих. Откуда-то появились инструменты, люди начали подпиливать статую Сталина, набросили на нее тросы, прикрепили их к грузовикам, и Сталин рухнул.

Но самая большая демонстрация двинулась к зданию радио. Узкие улицы перед зданием были забиты стотысячной толпой, в которой было немало военных. Вдруг из радиостанции раздались винтовочные выстрелы. Стреляли гебисты из АВО. Бежать было некуда: сзади напирали тысячи людей, не понимавших, что происходит впереди. В это время подошло несколько грузовиков с милиционерами. Они не стали стрелять, и массы их сразу же разоружили. Толпа не двигалась, а АВО продолжало ее в упор расстреливать. Мертвых и раненых поднимали над головами и из рук в

руки передавали назад. Под звуки этих, не очень частых, но прицельных выстрелов сотысячная толпа пела гимн. Наконец, когда первые убитые и раненые попали назад, там поняли, что передних убивают. И вдруг, таким же путем, как передавались назад раненые и убитые, в обратную сторону, к передним, над головами людей, подхваченные тысячами рук, поплыли ружья, винтовки, пистолеты... Вскоре передние ряды демонстрантов тоже открыли огонь. И гебисты АВО не выдержали: тот, кто не был убит, сдался.

И что же было? Суд Линча? Ничего подобного. В них, правда, плевали, ругали их последними словами, — но студенты с автоматами и винтовками, окружив чекистов, требовали от людей только одного: не трогайте их, отвечать они должны по закону, перед народным судом.

Весть о том, что всем ненавистное АВО стреляло в безоружных, разлетелась по всему Будапешту. Всю милицию разоружили, да она и сама отдавала оружие молодым людям. Многочисленные военные, бывшие на улицах, поспешили в казармы разбирать оружие. Рабочие на грузовиках у арсеналов и перед оружейным заводом тоже требовали оружия. Охрана отказалась его выдать. Тогда рабочие, разогнав грузовики, протаранили железные ворота. Вскоре на всех больших площадях Будапешта были кучи оружия. Каждый, кто хотел, мог его брать. И народ стал брать!

В то время из парламента, по требованию толпы, вышел Имре Надь. Его попросили перед народом прочесть 16 пунктов. Он прочел, стали петь гимн. К тому времени город практически перешел в руки вооруженного народа. Члены парламента, оценив обстановку, спешно назначили Имре Надя премьер-министром. Он призвал людей разойтись по домам, но не тут-то было. Появилось много военных с оружием, рабочие и студенты обзавелись автоматами, откуда-то у всех на руках появились трехцветные национальные венгерские повязки. Так начала создаваться Венгерская национальная гвардия — из студентов, рабочих и солдат.

Одна из первых боевых групп образовалась у здания партийной газеты "Сабад нэп" и тут же заняла восьмизэтажное здание. Эту группу возглавил Йозеф Дудаш, репрессированный, бывший член партии. У него была минимум тысяча вооруженных людей.

Другая группа заняла большой кинотеатр "Корвин" и примыкающие к нему здания государственных учреждений. Руководили ею братья Понграц. В ней было около двух тысяч бойцов, больше рабочие, но было немало студентов мединститута и военнослужащих. Она вошла в историю как легендарная революционная группа "Корвин кез".

Напротив кино "Корвин" находилась самая

большая будапештская казарма "Килиан лактанья". Ее гарнизон сразу же перешел на сторону революции. В ней, кроме солдат с национальными эмблемами, собралось много вооруженных гражданских лиц.

Образовалась также боевая группа "Сенатер", которая занимала район у Московской площади, в Буде. Ею руководил старик с пышными гусарскими усами — дядя Сабо ("Сабо-бачи"), как его сразу же прозвали. Его помощником стал Кемал Экрен, югославский журналист, принадлежавший к проживающему в Югославии национальному меньшинству.

Кроме того, большая группа революционеров обосновалась в районе площади Барош ("Барош-тер"). Руководителем ее был избран Ласло Никелсбург, еврей, вся семья которого была убитая в гитлеровских лагерях.

Кроме этих крупных соединений, были еще десятки и десятки небольших групп. Отдельная крупная часть образовалась в предместье Чепель, на острове того же названия (на Дунае, в южной части Будапешта), где жило и работало большое количество рабочих. Большинство из них вооружилось в первую же ночь. Но основной силой было студенчество. В ВУЗах в тот же вечер образовалась официально "Венгерская национальная гвардия", которая поставила себе задачу следить, чтобы не было грабежей, чтобы бывших чинов АВО не линчевали, а арестовывали и передавали народным судам. Иными словами, национальные гвардейцы переняли функцию разбежавшейся милиции.

Автор этих строк был тогда студентом ВТУЗа и, несмотря на свое тогдашнее советское гражданство, вступил в Национальную гвардию в первый день и получил боевое задание: перевести требования венгерского народа в 16-ти пунктах на русский язык для распространения среди советских военнослужащих. Листовки с русским текстом попадали в руки советских солдат или же зачитывались по революционному радио.

Впоследствии в гвардию вступили и рабочие, и иные жители города. Нужно заметить, что в то время в Будапеште проживало немало иностранцев: бывшие греческие коммунистические партизаны Маркоса, студенты разных национальностей, среди которых преобладали северо-корейцы.

Часть этих иностранцев, в первую очередь студенты, тоже взялась за оружие. Вооруженные группы отправились на грузовиках в провинцию, где тоже вспыхнуло восстание.

Советское командование, у которого в Будапеште была комендатура, а на окраинах — несколько гарнизонов, решило действовать. Как известно, в то время в Венгрии послом СССР был Юрий Андропов. Вероятнее всего, что это по его инициативе в 2 часа ночи с 23

на 24 октября на улицах Будапешта появились советские танки. Но массы людей не расходились перед танками, которые к утру заняли главные стратегические пункты города, стали перед парламентом. Будапешт не спал: горожане валили деревья, разбирали булыжные мостовые, выламывали трамвайные рельсы и возводили баррикады.

Нужно заметить, что большинство советских военнослужащих, двинутых на город, уже долго стояли в Венгрии, многие офицеры и сержанты-сверхсрочники объяснялись по-венгерски, у них были друзья среди местного населения, и им очень не хотелось драться с венграми. Тем более, что им-то нельзя было рассказывать сказки про десанты американцев и немецких реваншистов.

На следующий день город как будто переродился: все красные звезды, многочисленные плакаты, названия улиц Сталина, Ленина, Маркса и К° исчезли. В разложенные на улицах костры из окон учреждений летели коммунистические картотеки и анкеты, без которых не может существовать диктатура. По всему городу появились надписи: "Русские домой!", "Долой коммунизм!", "Свободу Венгрии!", "Долой АВО!", "Долой Гере!" и т. д.

В городе происходили короткие стычки, в основном, с остатками АВО. По радио начали объявлять, что фашисты и контрреволюционеры подняли восстание против народной власти.

24 октября к зданию венгерского Политбюро на ул. Академии подошла большая колонна советских танков. Из люка одного вылезли Микоян и Сулов и направились на переговоры с Надем. Виновником беспорядков был назван Гере, который был смещен со всех постов. Однако народу об этом пока еще ничего не сообщили.

На улицах снова начались мирные демонстрации, в которых было много женщин и детей. Советские танкисты, занявшие ключевые точки города, выходили из танков и говорили с населением: никакой вражды нельзя было наблюдать. Революционные группы находились на своих пунктах. На улицах мимо танков патрулировали национальные гвардейцы, кто в форме, кто в гражданском, с оружием в руках, но все обязательно с трехцветной повязкой на рукаве.

В четверг 25 октября — снова мирные демонстрации. У многих плакаты "Долой Гере!" — люди не знали, что требование уже выполнено. У отеля "Астория" стояло несколько советских танков. Танкисты дружелюбно беседовали с демонстрантами. Несколько демонстрантов взобрались с венгерскими флагами на танки. Венгры начали уговаривать танкистов двинуться вместе с ними к парламенту. И — советские танкисты согласились! Это была незабываемая картина: масса де-

монстрантов, с ними советские танки, на которых множество людей с десятками венгерских флагов. Демонстранты все прибывали и прибывали, на площади перед парламентом их уже было много тысяч.

Когда танки подошли к главному входу в парламент, то вдруг с крыши министерства сельского хозяйства, находящегося напротив, раздались пулеметные очереди, — стреляло АВО. Погибло от 150 до 200 человек, среди них несколько советских солдат, стоявших в открытых люках танков. Танкисты тут же открыли ответный огонь по венгерским артистам. Эта весть мгновенно разлетелась по всему Будапешту. И снова толпы людей запрудили все улицы.

А в это время министр вооруженных сил Венгрии Бата Шет дал приказ одному танковому полку атаковать революционную группу в казарме "Килиан лактанья". Руководил операцией полковник Пал Малетер. Он был капитаном при правительстве адмирала Хорти, потом ушел к красным партизанам. После войны закончил академию им. Фрунзе в Москве, но в партию не вступал. Подойдя к казарме, танковый полк перешел на сторону революции, а Малетер, как старший по чину, стал комендантом "Килиан лактанья". Этот акт превратил казарму в центр революции.

На следующий день новая весть: в городке Мадьярваре АВО стреляло в мирную демонстрацию — убито 85 человек. После этого расстрела безоружных людей было несколько самосудов — разъяренная масса убивала или вешала представителей АВО. Национальные гвардейцы пробовали предотвратить самосуды, но это не всегда удавалось. Многих чинов госбезопасности арестовали и водворили в тюрьмы. Некоторые сами пришли к национальным гвардейцам и просили укрыть их в тюрьме. Многие же из них бежали на Запад, где их часто, не разобравшись, прославляли как героев и революционеров.

Революционные группы были разные. Были более умеренные, были более революционные, но всех объединяли 16 пунктов. Одни были за Надя, другие его отрицали как коммунистическое. Но в одном вопросе все были согласны: к делам ни в коем случае нельзя допускать представителей фашистской партии "Скрещенных стрел", в частности, бывшего диктатора в 1944 году — Силаши.

В первые дни революции национальные гвардейцы выпустили из тюрем политических заключенных, но уголовников не выпускали. Среди прочих освободили из лагеря первоиерарха католической Церкви кардинала Миндсента, который прибыл в Будапешт, где его с восторгом встретила многотысячная толпа. Он высказался за непримиримую борьбу против советских оккупантов, за полную свободу

Венгрии и резко выступил против социализма.

К тому времени, 27 октября, Имре Надь создал новое правительство, где, кроме коммунистов, были и беспартийные. Стал министром и Бела Ковач, генеральный секретарь партии мелких сельских хозяев, пробивший годы в лагерях.

Новое правительство потребовало, чтобы советские войска сперва ушли из Будапешта, а потом и из Венгрии. Советское руководство как будто согласилось выполнить это требование: войска стали покидать Будапешт.

Казалось, наступила полная свобода! Но в те же дни в главной квартире коммунистической партии Венгрии, на площади Кестаршошаг, собралось несколько сот вооруженных до зубов офицеров АВО. Очевидно, действуя по договору с "кем-то", они в противовес Национальной гвардии решили организовать коммунистическую рабочую гвардию. По телефону, а телефон, как и электричество, во время этих событий действовал все время, они стали созывать своих сотрудинок. Многие отказались, но многие, сняв форму, в штатском, пробивались к этому дому, во дворе которого стояли пушки, танки и было немало другого оружия. Вскоре чекисты начали из окон стрелять в проходящие патрули революционеров.

Тогда революционеры из "Корвин кез", "Килиан лактаны" и группы Дудаша атаковали их. Чекисты отчаянно защищались, бой переходил с этажа на этаж. Погибло немало революционеров, но чины АВО, а это была элита госбезопасности, были убиты все до одного. Сдавшихся и раненых выбрасывали из окон, и толпа, в большинстве женщины, вешали их за ноги на деревьях. Такие действия, конечно, бросают пятно на восстание, но ненависть к чекистам тогда была очень велика, да и чекисты были настоящими палачами.

Другая группа, "Сена тер", под руководством Кемала Экрена, атаковала самую большую казарму АВО, и те, не оказав сопротивления, сдались.

Группа же Дудаша, которая никогда не признавала правительства Имре Надя и его лично, вела свою собственную политику. Дудаш захватил главное здание Национального банка и конфисковал несколько миллионов форинтов, чтобы иметь возможность содержать свой отряд. Другая революционная группа захватила министерство внутренних дел. Все учреждения, министерства, кроме парламента, где восседал Имре Надь, находились в руках вооруженных революционеров. Хотя между различными группами были политические противоречия, но стычек никогда не бывало: встречаясь, они мирно дискутировали.

Все запрещенные при коммунистах демократические партии снова заняли свои старые

здания. Так, на сцене появилась легендарная правая социал-демократка Анна Кетли, освобожденная из лагеря. Появились и несколько новых партий, основные из них Христианско-демократическая партия Венгрии и Молодежная революционная партия.

В одну политическую группу объединились и монархисты, хотя венгерского монарха не было уже много столетий и королями Венгрии были австрийские Габсбурги.

На углах улиц поставили ящики для сбора средств для семей убитых революционеров. В этих ящиках накапливались большие суммы. Никто их не охранял, а прохожие продолжали класть в них деньги.

В Будапеште появились новые газеты: каждая партия издавала свою. Но самой популярной стала "Игосшаг", газета надпартийного революционного характера под редакцией Дьюлы Обершовского и Йожефа Гали.

Хотя население хорошо относилось лично к Имре Надю, но его правительство никому не нравилось. Под массивным давлением всего населения ему вскоре снова пришлось преобразовать правительство и включить только трех коммунистов, один из коих был Янош Кадар, трех социал-демократов, во главе с Анной Кетли, также трех — от партии мелких землевладельцев и двоих — от крестьянской партии. Министром вооруженных сил стал генерал Пал Малетер.

1 ноября из парламента исчезли Янош Кадар и Ференц Мюнх, бывший посол Венгрии в Москве. Сначала этому никто не придавал значения. В этот день — у католиков праздник Всех святых. Вечером во всех окнах будапештских домов были зажжены десятки тысяч свечей. Город оплакивал тысячи убитых.

Советская армия, ушедшая из Будапешта на свои базы, оставила в городе не только несколько подбитых танков и убитых военнослужащих, но и немалое число солдат, сержантов и офицеров, которые остались в Будапеште, дезертировав из армии. Некоторые из них прямо перешли на сторону революции. Так, рассказывали об одном майоре — армянине, перешедшем к революционерам в казарме "Килиан" и надевшем венгерскую трехцветную повязку, сняв пятиконечную звезду с фуражки. В конце недели, по поручению своего правительства, Анна Кетли, министр иностранных дел, вылетела в Нью-Йорк на сессию Объединенных наций.

В то же самое время произошло событие, которое многих очень обеспокоило. Англия и Франция, а также Израиль, напали на Египет, пытаясь захватить Суэцкий канал. Многие поняли, что это может послужить поводом для Советского Союза, чтобы изменить планы и снова напасть на Будапешт. Конечно, Микоян и Сулов, которые опять прилетели из Москвы, заверяли Имре Надя в своих мирных

намерениях. Посещал Надя и посол СССР Андропов, утверждая, что он согласен на все требования венгров.

Эти требования уже кое-как начали выполняться. Кроме одного: советские войска все еще не уходили из Венгрии. Но Надя непреклонно требовал выполнения именно этого пункта. Тогда Андропов предложил послать новоизбранный генеральный штаб Венгерской армии в советскую базу Текел, на остров Чепель, чтобы договориться о порядке ухода советских войск.

В это время из провинции поступили сведения, что большие колонны советских танков направляются к Будапешту. Андропов заверил, что этого не может быть, и снова пригласил делегацию на совещание.

Оказалось, что население было менее навивно, чем генеральный штаб и Имре Надь. В Будапеште стали снова спешно возводить баррикады. А венгерская делегация отправилась на остров Чепель, в советскую базу. Руководили ею государственный министр Ференц Эрдеи, министр вооруженных сил генерал-майор Пал Малетер, генерал Иштван Ковач и полковник Миклош Сюч. Делегацию приняли генерал-лейтенант Степанов и генерал-майор Щербанин. Переговоры начались... Вдруг распахнулись двери, вошли автоматчики во главе с генералом Серовым. Все венгры были арестованы.

Узнав об этом, Имре Надь сразу объявил о выходе Венгрии из Варшавского пакта.

Командовать венгерскими войсками в Будапеште остался генерал Бела Ковач. В ночь с 3 на 4 ноября прибывшие из СССР спецдивизии МВД со всех сторон атаковали Будапешт. Это были уже не те простые солдаты, которые долгие годы находились в Венгрии...

Советские войска натолкнулись на упорное сопротивление. Но силы были неравные. Кроме того, советские войска напали и на другие венгерские города, бывшие тоже всецело за революцию.

Утром, в воскресенье 4 ноября, Имре Надь выступил по радио и, обращаясь ко всему миру, попросил помощи.

Надь и весь его кабинет с семьями направились в югославское консульство, где им было предоставлено убежище.

К этому времени первые советские танки уже подошли к парламенту. Уже мимо советских патрулей кардиналу Миндсенти удалось выйти из парламента со своим секретарем и пойти пешком до американского посольства.

Но Будапешт не сдается. Повсюду идут бои. Сотни советских танков уничтожены "коктейлями Молотова", как называют связку бутылки с горючим. Бои ведутся на окраинах города, в Буде и в Пеште. Особенно ожесточенное сопротивление оказывают рабочие районы города. Венгерские солдаты опустили ство-

лы противоздушных зениток и бьют из них по танкам. Хуже всего открытым бронетранспортерам, в которых советская пехота. В них бросают из окон домов связки гранат. Но колоннам советских танков как будто нет конца. Сопротивление венгров слабеет. Пал "Корвин кез", у казармы "Килиан" бои идут несколько дней. Советские танкисты и артиллерия уничтожили большое количество домов. Жители прячутся в погребах, но и погреб не всегда спасает от смерти.

Так проходит в боях несколько дней, Венгрия истекает кровью. У борцов за свободу нет больше оружия, они стали подвозить его на машинах скорой помощи. Это с советской стороны заметили и стали стрелять по машинам Красного Креста, убив при этом десятки врачей и санитаров.

Уличные бои продолжаются! В Буде пал "Сена тер". Сабо-бачи попал в плен. Часть его людей уходит в леса, но больших лесов и гор в Венгрии нет. Многие национальные гвардейцы уходят в подвалы. По ночам они нападают на советских солдат. Но Будапешт фактически уже пал. Еще слышна стрельба на Чепеле, где рабочие не хотят сдаваться. В провинции, в Дунапентеле, бывшем Сталинвароше, еще идут бои.

Сотни тысяч венгров с семьями бегут в Австрию, в Югославию.

В это же время венграм сообщают, что Янош Кадар и Ференц Мюних образовали "Революционное рабоче-крестьянское правительство", а весь борющийся народ и законное правительство Имре Надя называют "контр-революционерами".

Начался голод: во время боев, которые длились неделями, население разобрало все продуктовые магазины.

Но со всего света потекла помощь. Запад, который не помог, когда требовалось оружие, теперь, как бы стыдясь этого, посылает продовольствие. Советский Союз тоже шлет муку, сгущенное молоко, тушенку...

Те, кто, наконец, вышел из подвалов на улицу, увидели разрушенные дома, уничтоженные танки, бронетранспортеры, которые спешно убирали. Одно поразило всех: солдаты из ведомства Серова были почти на две трети монголами, азиатами. Создать новое АВО не удалось. Бывшие его работники ни за что на свете не желают вновь вступать в эту организацию. Советское командование вынуждено делать все само. Даже охрана Кадара — смешно сказать! — состояла из советских офицеров, все как один капитаны, с автоматами.

Тюрьмы снова наполняются. Те, кого захватили с оружием в руках, попадают не в тюрьму, а в братские могилы: их убивают на месте!

Тито, договорившись с Хрущевым на Ад-

риатическом острове Бриони, передает Имре Надя с его правительством и семьями членов правительства. 22 ноября Надя и еще 60 человек югославы увозят на автобусе из консульства, якобы в Югославию. Но их сразу останавливают советские солдаты и направляют в Румынию. Серов свирепствует и среди советских военнослужащих. Сотни и сотни советских солдат, сержантов и офицеров расстреляны за пассивность и симпатию к врагу. Венгры продолжают бежать из страны. Бежать в Югославию становится легче. Всего из маленькой Венгрии ушло 200–250 тысяч человек. Многие венгерские спортивные команды, как, например, сборная Венгрии по футболу, остаются на Западе. Тысячи молодых венгров арестованы оккупантами, особенно в провинции. Их хотят насильно отправить в Советский Союз.

Но снова проявляется спайка венгерского народа. Железнодорожники отказываются вести поезда, неведомо кто ночью разбирает километровые участки рельсов. И тогда вмешивается Кадар: он просит, умоляет советское правительство не депортировать венгров. Хрущев соглашается. Венгров не постигла судьба балтийских народов, чеченцев, ингушей, крымских татар... Конечно, несколько тысяч венгров попало в советские лагеря, но массового вывоза удалось избежать.

Кадар остается без армии, без госбезопасности. И тогда он начинает брать на полицейскую службу иностранцев. Первой вооруженной венгерской службой в Будапеште были испанские коммунисты-эмигранты, греческие партизаны Маркоса и югославские эмигранты "информбюровцы".

В стране всеобщая забастовка. На улице снова выходят демонстрации – против Кадара. На улицах вместо приветствия говорят "мук", что означает "маршиушбан уйра кездюнк" ("в марте снова начнем"). В марте начиналась и

революция в 1848 году. Казнены схваченные революционеры.

Имре Надя и все его правительство привозят в центральную будапештскую тюрьму. Он отказывается признать незаконное правительство Кадара, считая, что того никто не выбирал, а законный премьер-министр – он, Имре Надя. Генерала Малетера тоже не могут сломить. Лошонци, министр в последнем правительстве Надя, бывший узником во время Ракоши, не выносит тюрьмы и сходит с ума. Его добивают.

Имре Надя, Малетера и Лошонци, уже мертвого, присуждают к повешению. Малетер требует, чтобы его, как солдата, расстреляли. Ему отказывают. Главный палач Будапешта, перенявший эту профессию по наследству от деда и отца, отказывается вешать Надя, говоря, что он уже повесил одного политика, Райка, который, как потом оказалось, был ни в чем не виноват. Поэтому, говорит палач, в будущем он согласен казнить только уголовников, а политиков – категорически отказывается. Приходится искать другого.

Всего, по официальным данным, конечно, очень заниженным, было казнено 3000 революционеров. Оставшихся министров присуждают, в среднем, к 20 годам каждого. Если узнают, что кто-то носил оружие, убивают. Если кого-то узнают по фотографиям из иностранных журналов, убивают. Если кто-то ранен в бою и лежит в больнице, добивают.

Вот так расправились с венграми-патриотами, осмелившимися бороться за свою свободу.

Кадар тогда, после подавления революции, был в Венгрии самым ненавистным человеком.

О дальнейшем сопротивлении храбрых и свободолюбивых венгров – в следующей статье!

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В дополнение мне хочется сказать несколько слов о том, как воспринимали мы, жившие в свободной Европе, венгерскую революцию. Сначала нас охватила огромная радость. Казалось, советы отступили и революция победила. Трудно описать, что это было за ощущение! Неужели хоть одна страна избавится от коммунизма? Не будет ли это началом всеобщего восстания? Вот "октябрьская революция", которой мы можем радоваться, революция свободы!

Но вдруг известие о нападении на Египет. Все общественное мнение сейчас же отвернулось от Венгрии и обратилось на эту войну. Английские политики потом цинично признавались, что они хотели использовать то обстоятельство, что внимание Советского Союза

отвлечено Венгрией. Несчастливая Венгрия не только не получила помощи, но была сознательно предана. Советские танки сейчас же повернули на Запад. Стало ясно, что революция будет разгромлена.

Я была тогда лектором русского языка в университете в Марбурге. Настроение немецких студентов было совсем иным, чем теперь, преимущественно антикоммунистическим. Многие хотели идти сражаться добровольцами, но, по обычаю немцев, ждали, что кто-нибудь организует добровольческие отряды. Сами они не умели проявить инициативу. Но никто не организовал. Между тем началась агония Венгрии. Несколько дней немецкое радио передавало непосредственно призывы передатчиков венгерских революционеров, по радио

звучало неумолкаемое SOS. Невозможно было слушать эти призывы и сознавать собственное бессилие. Наконец, они стали все слабее и совсем замолкли...

Потянулась волна беженцев. Мы отдавали им все, что могли: вещи, деньги... Но все это было так слабо, так ничтожно... Мне пришлось разговаривать потом со многими венгерскими беженцами, горечь их против свободного Запада была велика. У меня были тогда два ученика среди студентов: один — немец, участник восстания в Берлине в 1953 г., отсидевший три года в тюрьме и как раз выкупленный западногерманским правительством, другой — венгр, участник венгерской революции, как раз бежавший после ее разгрома. Они подружились, и их общим языком был русский. Венгр только учился по-немец-

ки, а немец венгерского, конечно, не знал; русский же они оба учили в школе. Венгр рассказывал мне, что вначале учил язык охотно, он ему нравился, но потом они все начали отождествлять коммунистов и русских, и он из упрямства перестал заниматься языком, о чем теперь жалеет. "Я понял разницу между русскими и коммунистами только тогда, когда увидел, что целые части русских солдат переходят на нашу сторону, хотя положение их становится безвыходным, они идут на верную смерть, — сказал он. — Одновременно я увидел, что Запад и не думает нам помогать. Теперь я по-прежнему ненавижу коммунистов, но люблю русских, русский народ и ненавижу Запад", — закончил он.

В. Пирожкова

М. ГОЛЬДШТЕЙН

ПОЛВЕКА УКРОЩЕНИЯ РУССКОГО ИСКУССТВА

Еще в 1936 г. я услышал в Москве тревожные слова: "Теперь началось укрощение нашего искусства". Кто автор этих слов, — не знаю. Но они звучали тревожным набатом. Судьбой русского искусства в 1936 году ведал ВКИ СССР (Всесоюзный комитет по делам искусств). Во главе этого комитета стоял профессиональный коммунист Платон Михайлович Керженцев. Внешне он производил благоприятное впечатление, так мне казалось. Дважды с ним лично говорил. В то время я уже имел право разговаривать с высокими чиновниками, ибо имел звание лауреата Всесоюзного конкурса музыкантов-исполнителей, на котором главным лидером был Давид Ойстрах. Мне, как одному из победителей, присвоили звание лауреата. Конкурс состоялся в 1935 г. Казалось, что Керженцев весьма интересуется молодым поколением советских музыкантов: он оказывал исключительное внимание в бытовом устройстве, помогал в получении квартир, дарил талоны в закрытые распределители, где можно было увидеть запретные плоды и приобрести дефицитные предметы мечтаний. Действовал ли Керженцев по своей инициативе, сказать трудно; возможно, что было на то указание от самого... Помню, мой знаменитый педагог Петр Столярский из Одессы (у него учились Давид Ойстрах и Натан Мильштейн) был на приеме у Керженцева, а я его сопровождал. Керженцев сказал Столярскому: "Мы с большим вниманием следим за вашей деятельностью, за созданной вами школой юных талантов. Дано указание обеспечить всем необходимым, помочь в продовольственном снабжении, создать интернат, думаем и о постройке нового здания".

Особенно хочется подчеркнуть слова о продовольственном снабжении. Как известно, голод на Украине был настолько свирепый, что унес, как тогда говорили, не менее семи миллионов жизней. Столярский был в полном восторге и по-своему, на обиходном "одесском диалекте" сказал Керженцеву: "Благодарю за заботу о моих детях лично товарища Сталина, товарища Молотова и прочие шишки". В то время молодые советские музыканты выходили на международную арену и надо было доказать, что существует советская музыкально-исполнительская школа и по своему уровню она превосходит школы буржуазных стран.

Предстояли конкурсы в Вене, в Брюсселе, выступлений советских музыкантов ожидали в Париже и в Лондоне. Музыкальная Германия уже находилась в тисках национал-социализма, множеству знаменитых музыкантов удалось эмигрировать. Понятно, что Платон Керженцев играл важную роль в укрощении искусства. Автономия театров заметно исчезла. Роль художественных руководителей в театрах заметно снижалась, ждали указаний сверху. Само слово "Комитет по делам искусств" вызывало странные ассоциации; здесь видели что-то чрезвычайное, рожденное ЧК. Поговаривали, что Василий Иванович Качалов заявил, что у нас теперь не комитет по делам искусств, а "поделом искусству". Кто-то предупреждал, что надо ожидать "Сечу при Керженцеве". Напомню, что имелся в виду симфонический эпизод из оперы Н. А. Римского-Корсакова "Сказание о невидимом граде Китеже и деве Февронии", который носит название "Сеча при Керженце" (сражение в Керженских лесах в "лето от сотворения мира 6751"). Как назло,

эта симфоническая картина, "Сеча при Керженце", довольно часто исполнялась в концертных программах симфонических оркестров. Не думаю, что это нарочно придумали. Быть может, кто-то хотел угодить этим самому Керженцеву? Всякое можно подозревать.

Нет оснований утверждать, что сталинские чистки 1937 г. родились внезапно. Они готовились задолго до этого. Показательные процессы против троцкистов и "вредителей" были лишь генеральной репетицией. Киноискусство уже находилось под идеологическим колпаком. Драматические театры не так просто было превратить в кукольные, режиссеров и актеров трудно было сделать марионетками. На газетные окрики правоверных журналистов обращали мало внимания, гораздо важнее было мнение "кассы", которая регулировала выбор репертуара. Когда зритель шел в театр и должен был за собственные деньги приобретать билеты, тут был выбор вполне понятный, соответствующий личным интересам. Чтобы поддержать злободневные партийные изделия драмоделов, устраивались так называемые массовые "культпоходы". Предприятия из профсоюзной кассы расплачивались за билеты. Никто не хотел даже ломаного гроша уплатить из своего кармана. Только таким путем могли обеспечить присутствие зрителей на нежеланных спектаклях. Помню, я говорил с одним бухгалтером, который присутствовал на подобном спектакле, где были заняты прекрасные актеры. Но, увы, даже гениальные актеры не были в силах спасти такие представления. Бухгалтер на мой вопрос, что ему больше всего понравилось, прямо ответил: "Пиво в буфете". Оно произвело на него наилучшее впечатление.

В высшем партийном органе СССР, в ЦК ВКП(б), существовали специальные отделы культуры и искусства, даже отдел музыки. В 1935 г. явился сюда "сердитый дядя" Виктор Маркович Городинский. Об этой личности с лицом и фигурой объевшегося пиццелотателя следует рассказать подробнее. Мне он был хорошо знаком и немало пакостей мне сделал. Ему дали кличку "Макс Регер". Действительно, внешне он очень напоминал немецкого композитора Макса Регера. Виктор Городинский родился в феврале 1910 г. в Петербурге. В 1918 г., 16-летним подростком, уже стал членом компартии. Говорили, что он сотрудничал в ЦК, его главным музыкальным инструментом был маузер. В то время, как выразился Маяковский, "слово имел товарищ маузер". Известно, что Городинский родился в музыкальной семье и родители желали из него сделать добротного пианиста. По записке от Луначарского и других вышестоящих Виктор Городинский был принят в класс профессора Московской консерватории пианиста

Давида Шора. В 1927 г. Давид Шор эмигрировал в Палестину. Как известно, Давид Шор был участником знаменитого "Московского трио", служившего украшением музыкальной жизни России (трио было создано в 1892 г. и гастролировало с большим успехом в Германии, Франции, Англии и др. странах). После недолгого пребывания у Шора Городинский вознамерился стать учеником знаменитого педагога проф. Л. В. Николаева, у которого учились Д. Шостакович, Мария Юдина и другие выдающиеся русские пианисты. Как мне рассказывали, Николаев был вынужден принять в свой класс Городинского, ибо не желал иметь неприятностей. В 1929 г. Городинский окончил Ленинградскую консерваторию по классу Николаева. Казалось бы, что перед учеником Николаева, да еще с партийным билетом, должны были открыть все двери концертных залов и предоставить ему возможность для преподавания в лучших консерваториях страны. Но в Ленинграде уже успели оценить музыкальные способности Городинского, его умение интриговать и угрожать, запомнили его выступления на партийных собраниях. Знали и о его нападках на Шостаковича, что было в ту пору оценено как свидетельство музыкальной ничтожности Городинского. Словом, ему не нашлось места для музыкальной деятельности в Ленинграде. Сразу же после окончания консерватории, в том же 1929 г., Городинский отправился в Москву, где у него были кое-какие связи в партийных кругах. Но и здесь он не смог устроиться в качестве пианиста и стал продвигаться по профсоюзной линии. Имея диплом консерватории, он был избран председателем Московского областного профессионального союза работников искусств (Мособлрабис). Он стал также членом центрального комитета этого профсоюза. В том же 1929 стали появляться его тенденциозные статьи в советской печати.

Существовала в те годы музыкальная организация со странным названием МОРТ. Что-то в ней пахло мертворожденным. Но эти четыре буквы расшифровываются так: Международное объединение революционного театра.

Не знаю, сколько стран входило в этот МОРТ. Многотомная советская "Театральная энциклопедия" попросту не уделила МОРТу соответствующего внимания, словно такой организации вовсе и не было. А она все-таки существовала и средства для своей деятельности получала из соответствующих советских фондов. При МОРТе существовала музыкальная секция. Очевидно, в Германии в нее входили композитор Ганс Эйслер и революционный певец Эрнст Буш. В 1932 г. в Москве состоялось 1-е Международное совещание музыкальной секции МОРТа. Главным до-

кладчиком был Виктор Городинский. Тема его доклада — "Музыкальный фронт СССР". Понятно, что в 1932 г. Городинский стал во главе МОРТа. А для такой должности иметь диплом об окончании Ленинградской консерватории явно недостаточно. В 1934 г. Виктора Городинского назначили на должность директора Росфила (Российской филармонии). Свое право на занятие такой высокой должности он доказал публикацией статьи "К вопросу о социалистическом реализме в музыке", которая появилась в 1933 г. в 1-м номере журнала "Советская музыка". Помню, что статья вызвала немало насмешек со стороны известных музыкантов, кое-кто ее величал поговоркой "пришей кобыле хвост".

Неясным было словоблудие Максима Горького о соцреализме в литературе; еще более туманным оказался соцреализм в музыке. Да и нельзя было назвать ни одного советского композитора, который бы своим творчеством доказал существование соцреализма в музыке. Но Городинский не унимался и в том же журнале вскоре выступил со статьей "Музыкальные итоги. Путь к социалистическому реализму". В 30-е годы Росфил объединял музыкальную жизнь страны. Из капиталистических стран на гастроли в СССР являлись знаменитые дирижеры, пианисты, скрипачи, певцы. Была чудесная возможность восторгаться замечательным искусством гастролеров.

Иностранцам артистам были вовсе чужды размышления Городинского о соцреализме. Кроме того, он производил довольно странное впечатление и явно шокировал в своей директорской должности. Раздавались требования о снятии с поста незадачливого директора. Помню, на открытых собраниях резко критиковали Городинского. Сам присутствовал на некоторых собраниях и был свидетелем такой "полемики". Пришлось освободить Городинского от поста директора, и его послали как можно подальше...

В советских условиях это означало, что ему дали явное повышение и назначили помощником заведующего сектором искусств Культпросветдела ЦК ВКП(б). Это было в 1935 году. Всего лишь год он засиделся на посту директора Росфила. Но не так долго его держали на должности заместителя заведующего, и вскоре он стал заведующим сектором искусств при ЦК ВКП(б). Теперь в его руках сосредоточилась опасная власть. А по натуре он был завистливый и мстительный. Иногда он кокетливо проговаривался, что "товарищ Сталин думает по тому или иному поводу то и то" или имеет такое-то мнение. Нет сомнения в том, что ему иногда удавалось лично беседовать со Сталиным, хотя бы по занимаемой должности. В Москве готовились гастроли Ленинградского Малого оперного театра

во главе с дирижером С. А. Самосудом. К организации этих гастролей приложил руку Городинский. Театр привез в Москву оперы "Леди Макбет Мценского уезда" Шостаковича, "Тихий Дон" И. И. Дзержинского, "Пиковую даму" Чайковского в постановке В. Э. Мейерхольда. Опера Шостаковича имела к тому времени большой международный успех. Премьера состоялась 22 января 1934 в Ленинграде. 24 января 1934 она была исполнена в Москве под названием "Катерина Измайлова" в постановке В. И. Немировича-Данченко. Вскоре ее поставили в Нью-Йорке, в Филадельфии, в Стокгольме... 26 декабря 1935 появилась вторая московская постановка, на сей раз в филиале Большого театра. Дирижировал А. Ш. Мелик-Пашаев. Постановщиком был Н. В. Смолич. В роли Старого каторжника выступил Максим Дормидонтович Михайлов. Для современной оперы это был невероятный успех. Но с этим успехом не посчитался проповедник социалистического реализма в музыке.

Нетрудно было доказать Сталину, что опера Шостаковича не служит идеям компартии, не отражает советскую тематику, не участвует в воспитании советского народа. Поэтому она является чуждой и антинародной. А в сложных гармониях усмотрели формализм и хаос вместо музыки.

Культурный уровень партийного руководства к тому же был настолько низок, что не позволял разбираться в художественных ценностях. 9 января 1936 г. в "Правде" была опубликована статья В. Городинского о постановке оперы "Тихий Дон" в Ленинградском Малом оперном театре. В этой статье были выражены преувеличенные чувства восторга. Цитирую: "Надо признать, что показ в Москве "Тихого Дона" в постановке ленинградского Малого оперного театра является едва ли не крупнейшим событием текущего сезона. Ведь самое главное то, что успех "Тихого Дона" является успехом советского оперного искусства — самой молодой отрасли нашей художественной культуры. Отсталость и консервативность оперного театра уже давно стала общим местом. Но ленинградцы заставляют нас во многих отношениях пересмотреть старые взгляды на ближайшие возможности советского оперного искусства". Упоенный собственным восторгом, Городинский явно переходит границы приличия. Запросто он отрицает существование многих удачных советских оперных произведений, созданных до "Тихого Дона", которые к тому же обладали явными художественными ценностями. К примеру, оперы "Князь Серебряный" П. Н. Триодина (поставлена в Москве в 1923 году в филиале Большого театра), "Трильби" А. И. Юрасовского (поставлена в 1924 в Большом театре в Москве), "Орлиный бунт"

А. Ф. Пашенко, "Степан Разин" П. Н. Триодина, "Декабристы" В. А. Золотарева (все три оперы поставлены в 1925 г.), "Египетские ночи" Р. М. Глиера (1926), "Шах-Сенем" Глиера (1927), "Овод" В. Н. Трамбицкого (1929) и "Сын солнца" С. Н. Василенко (1924), "Разлом" В. А. Фемелиди (1929), "Нос" Шостаковича, "Золотой обруч" Б. Н. Лятошинского, "Загмук" А. А. Крейна, "Северный ветер" Л. К. Книппера, "Лед и сталь" В. М. Дешевова, "Фронт и тыл" А. П. Гладковского, "Кармелюк" В. Г. Костенко, "Вышка Октября" Б. Л. Яворского (все в 1930 г.)...

Этот список можно продолжить и значительно увеличить. Я лишь назвал несколько опер наугад. Нетрудно заметить, что советские композиторы не раз обращались к советской агиттематике. Остается не совсем понятным, почему именно "Тихий Дон" стал объектом неумеренного восхваления. Городинский в своей статье делает и такое откровенное признание: "Музыка — искусство трудное в том отношении, что новое музыкальное произведение, не слышанное раньше, почти не воспринимается, "не доходит". Однако новая для слушателя музыка Держинского "дошла", была понята и оценена. Почему? По весьма простой причине. Талант Держинского — песенный по преимуществу. Почти вся опера построена на материале песни, и песни народной. Мотивы народной песни являются ведущими в "Тихом Доне", и это одинаково верно для партии солистов и оркестровой партитуры".

Такая галиматья преподнесена Городинским вполне серьезно. Практически она подтверждает убогую некультурность не только ведущих партийцев, но и обладателя диплома Ленинградской консерватории В. Городинского.

Понимая, что он явно переборщил, автор статьи пытается кое-что объяснить. Так, Городинский пишет: "На первом спектакле многие упрекали автора оперы в мелодическом однообразии. Этот упрек вполне справедлив. При таком богатом мелодическом дару быть однообразным в изложении непозволительно и объяснимо только недостатком школы. Этим же явственно ощутимым недостатком техники, да и попросту музыкального образования, объясняется и ряд других творческих минусов Держинского". Словом, начал за здравие, а кончил за упокой. Мне хорошо запомнилась реакция музыкантов Москвы на эту пакостную статью. Кое-кто прозвал Городинского "Чушнягородинский". С явным возмущением был воспринят заключительный абзац этой статьи: "Можно было бы еще много сказать о мастерстве дирижера С. А. Самосуда. Но мы ограничимся кратким замечанием: в лице С. А. Самосуда за дирижерским пультом стоит художник, у которого

многому надо учиться всем другим советским дирижерам".

Это замечание Городинского, к сожалению, было принято Сталиным вполне серьезно. 17 января 1936 г. состоялся повторный спектакль "Тихого Дона". 20 января во всех крупных советских газетах была опубликована информация ТАСС: "После третьего акта товарищи Сталин и Молотов беседовали с авторами спектакля — композитором И. Держинским, музыкальным руководителем театра С. А. Самосудом и режиссером М. А. Терешковичем. Во время беседы товарищи Сталин и Молотов дали положительную оценку работы театра в области создания советской оперы, отметили значительную идейно-политическую ценность постановки оперы "Тихий Дон". В заключение беседы товарищи Сталин и Молотов высказали ряд замечаний о необходимости устранить отдельные недочеты в оформлении спектакля и выразили всему творческому коллективу пожелание дальнейших успехов в работе над советской оперой". Словом, лишь художник Г. П. Руди был подвергнут Сталиным и Молотовым критике за оформление спектакля. В музыке не были обнаружены недочеты. 21 января 1936 в "Правде" появилась статья Держинского, Самосуда и Терешковича, посвященная беседе со Сталиным и Молотовым. Статья называлась "Новый этап в жизни нашего театра". Были процитированы даже слова Сталина: "Нам, конечно, очень нужна оперная классика, но пора уже иметь и свою оперную классику".

Так, неожиданно для всех, Держинский был провозглашен музыкальным классиком.

Я имел возможность лично беседовать с родным братом В. М. Молотова, композитором Николаем Михайловичем Нолинским (настоящая фамилия Скрябин). Он был старше своего брата (родился 6 мая 1886 в слободе Кукарка, Вятской губернии). В отличие от своего брата, он после окончания в 1910 году юридического факультета Казанского университета всецело посвятил себя музыке. Но его смущало быть однофамильцем замечательного русского композитора А. Н. Скрябина, и он избрал себе псевдоним Нолинский. Он изучал игру на скрипке на регентских курсах при Казанском музыкальном училище РМО (Русского музыкального общества). Был он довольно плодовитым и способным композитором. Помню, в 1941 г. замечательный дирижер Н. С. Голованов исполнил его симфонию в ля миноре. Написал он 8 струнных квартетов, более 100 песен, среди которых популярностью пользовалась "Волга-реченька глубока" на слова поэта Ваганова, сочинил музыку для стереофильма "Концерт" (в 1940 г.). Он автор удачной театральной музыки. Он умер 20 июня 1966 на 80-м году жизни в

Москве. Я встречался с ним довольно часто, приходил к нему со скрипкой и проигрывал его опусы. Не раз заговаривали о "Тихом Доне". На мой вопрос, почему его брат так высоко оценил композитора Держинского, я услышал ответ: "Он даже заикнуться не смел о другом мнении". Здесь намек на то, что Молотов был заикой. И еще Нолинский добавил: "Время показало, что Держинский выскочка и ничтожество, неслучайно он стал неизлечимым алкоголиком и утопил свой мнимый талант в "Тихом Доне". И еще добавил Нолинский, что всему виной Городинский, который решил выплыть на "Тихом Доне".

Прошло лишь считанное количество дней после провозглашения Держинского классиком, и 28 января 1936 г. в "Правде" появилась так называемая редакционная статья "Сумбур вместо музыки" по поводу оперы Шостаковича "Катерина Измайлова". Смешно и до боли грустно в наше время читать эту пакостную статью. Но кто мог быть ее автором? То, что это была редакционная статья давало повод понять, что она создана с согласия Сталина или инспирирована им. Некоторые исследователи приписывают авторство Д. Заславскому, который тогда возглавлял отдел в "Правде". Случилось мне лично говорить, спустя несколько лет, с самим Заславским, и он заявил, что получил из ЦК готовую статью. По его мнению, статья была написана Городинским. Еще хочу заметить, что Заславский с явным интересом относился к моим музыковедческим статьям и по его приглашению в конце 1930-х гг. не раз появлялись мои статьи в "Правде" на музыкальные темы. Сам Городинский утверждал в кругу знакомых, что ему была продиктована эта статья против Шостаковича. Но тут же он высокомерно добавлял, что слишком возвеличивают талант Шостаковича, и он этого не заслуживает. Да еще он договаривался до того, что называл Шостаковича "буржуазным композитором, прислужником империализма". Городинский дал указание о проведении общих собраний, на которых по соответствующей инструкции явно шельмовали Шостаковича, не стесняясь в ругательствах и в политических ярлыках.

Помню, композитор Н. А. Рославец назвал одно из таких сборищ "свистопляской невежд и вакханалией головорезов". Эта разбойная акция была санкционирована сверху. Не забуду общие собрания в Московской консерватории и поистине погромные речи. Да еще восхваление композитора Держинского. Как известно, в день публикации статьи в "Правде" Шостакович находился совместно с виолончелистом В. Л. Кубацким в Архангельске. Там они выступали с концертами. Виктор Львович Кубацкий был мужем Елены Константиновны

Малиновской, старого члена партии, входившей в круг приближенных к Ленину лиц. Она вступила в партию еще в 1905 г. После октябрьского переворота она была назначена комиссаром московских театров, в дальнейшем была директором Большого театра. В. Л. Кубацкий с мандатом, который лично подписал Ленин, занимался реквизицией ценных музыкальных инструментов, в том числе скрипок Страдивариуса, Гварнери и Амати, у частных лиц. Кубацкий входил в состав известного в свое время струнного квартета имени Страдивариуса. Он был также близок к маршалу Тухачевскому и образовавшемуся вокруг него кругу музыкантов. Мне Кубацкий рассказывал, что Шостакович встретил статью в "Правде" настоящим истерическим припадком. Больших усилий ему стоило его успокоить. Пользуясь своими высокими партийными связями, Кубацкий добился при посредстве Ворошилова личного свидания со Сталиным. Кубацкий сумел убедить Сталина, что жестокая расправа с Шостаковичем наносит большой вред престижу СССР и создает мнение, что партийное руководство состоит из музыкальных невежд. Нельзя запрещать исполнение всех произведений Шостаковича, надо вернуть его к активной творческой деятельности. Доводы Кубацкого оказались вполне убедительными, и это дало повод для компромиссного решения. Шостакович должен признать свои "ошибки и заблуждения" и дальнейшей творческой деятельностью должен "искупить" свою "вину".

Добавлю к сказанному выше, что в той же газете "Правда" 6 февраля была опубликована разгромная статья по поводу балета Шостаковича "Светлый ручей". Статья называлась "Балетная фальшь". Известный немецкий дирижер Фриц Штидри репетировал с оркестром Ленинградской филармонии 4-ю симфонию Шостаковича. П. М. Керженцев предложил приостановить репетиции и не показывать публично это произведение. Спустя четверть века, 30 декабря 1962 г., впервые зазвучала 4-я симфония в Москве, благодаря стараниям дирижера Кирилла Кондрашина, и слушатели сумели убедиться, что от них слишком долго скрывали гениальное произведение. Это было явное преступление.

Но вернемся к В. М. Городинскому. В 1937 г. его убрали из ЦК ВКП (б) и тихо ввели в состав редакционной коллегии "Комсомольской правды". Ему явно повезло. Он стал также редактором небольшой газетенки "Музыка", потом оказался в газете "Советское искусство". Его дальнейшие выступления в советской печати не привлекали внимание читателей, его суждения считались примитивными. В книге-словаре "Кто писал о музыке" (том 1, издательство "Советский композитор", Москва 1971) помещены биография

Городинского и довольно обстоятельный перечень его статей. Характерно, что статья Городинского об опере "Тихий Дон" в "Правде" не указана в перечне. А между тем ее переиздали в книге "Советская опера" (издательство Музгиз, Москва 1953, стр. 270—272). В словаре "Кто писал о музыке" указано, что Городинский умер 9 мая 1949 г. в Москве. В советской "Музыкальной энциклопедии" (издательство "Советская энциклопедия" и "Советский композитор", том 2, Москва 1974) указано, что он умер 10 мая 1959 г. Кому верить? Фактически он давно был живым трупом. Но почему-то он сумел спрятаться в тени и о его "подвигах" не упоминали. Даже тогда, когда Н. С. Хрущев дал указание возобновить исполнение оперы Шостаковича "Катерина Измайлова" и были объявлены постановления ЦК об исправлении ошибок.

Может показаться, что акция против Шостаковича, совершенная в 1936 г., носила изолированный характер и касалась лишь его одного. Но это ничуть не верно. В стремлении к созданию монолитного единства компартии, вернее монолитности культуры личности, Сталин также обращал внимание на литературу и искусство. С неугодными литераторами расправа была беспощадной. Ее не миновал даже сам Максим Горький. Художники и скульпторы доказывали свою преданность вождю созданием соцреалистических портретов Сталина, в которых его лицо неестественно украшалось. Везде стали устанавливать прижизненные монументальные памятники Сталину. С 11-го до 21-го марта в Москве происходила Декада украинского искусства. Это был первый опыт такого рода. Из Киева прибыли лучшие артистические силы. Исполнялись украинские оперы, звучали народные песни. Но самым главным номером в Декаде была песня о Сталине, которую сочинил на стихи Максима Рыльского украинский композитор Левко Ревуцкий. Эта песня понравилась Сталину, и участники декады были щедро вознаграждены орденами, медалями и денежными премиями. Теперь стало ясно, что каждый советский композитор обязан сочинить песню о Сталине. Так было положено начало созданию астрономического числа этих песен. Лишь в 1953 г. поток таких опусов приостановился. Помню, готовилась к изданию книга-справочник, в которой перечислялись песни и кантаты о Сталине. Этот справочник был довольно объемистым.

Драматические театры были в более тесном соприкосновении с литературой, чем оперные. Сталину не раз приходилось запрещать постановки не угодных ему пьес. Образовался явный конфликт с В. Э. Мейерхольдом. Не так легко было сражаться с рыцарем советского театра Мейерхольдом. А. А. Жданов взял на себя роль прокурора в области литературы и

искусства. Не забыт доклад Жданова на съезде писателей в 1934 г. Вмешательство Жданова во все дела литературы и театра дало даже повод утверждать, что статьи в "Правде" против Шостаковича были написаны чуть ли не самим Ждановым по заданию политбюро. Такие ходили по Москве слухи. Этот факт приводит в своей книге "Темный гений" Юрий Елагин. 14 марта 1936 г. Керженцев на специальном совещании в подведомственном ему комитете объявил, что обе статьи в "Правде" о Шостаковиче относятся к любой области искусства. Керженцев тут же нарек Мейерхольда "вождем формалистического направления в советском театре". Слово "формализм" обрело зловещий смысл. 9-го апреля 1936 г. в "Правде" была опубликована убийственная статья М. Горького "О формализме". Это уже было почище его памфлета "О музыке толстых". Трудно установить историю этой статьи; возможно, она была написана не по собственной инициативе писателя. 18 июня 1936 г. неожиданно умер Горький. Вскоре начался театрализованный судебный процесс против Зиновьева и Каменева. 8 ноября 1936 г. на премьере комической оперы А. П. Бородина "Богатыри" с новым текстом Демьяна Бедного, поставленной в Московском Камерном театре под руководством А. Я. Таирова, произошел страшный скандал. Находившийся на премьере В. М. Молотов, еще не досмотрев первого акта, демонстративно покинул зал и основательно отругал спектакль. Это и стало поводом для закрытия театра.

Одновременно с этим восходили к вершинам славы выдвинутцы Сталина. К их числу относился дирижер С. А. Самосуд. Дирижер Большого театра Н. С. Голованов уже не удовлетворял Сталина. Не помогло Голованову даже то, что 25 марта 1936 г. он показал в Большом театре "Тихий Дон" Держинского. Кстати, с перепугу и В. И. Немирович-Данченко показал в руководимом им музыкальном театре в своей постановке оперу "Тихий Дон". Наводнение "Тихого Дона" пошло по почти всем советским оперным театрам. Дирижер Ленинградского оперного театра имени Кирова Владимир Александрович Дранишников был снят со своего поста за то, что не успел вовремя на берегах Невы разлить "Тихий Дон". Его направили в Киев, в оперный театр. Сталину не понравилось, что в Киеве не поставили своевременно "Тихий Дон". Он "не разливался" и на декаде украинского искусства в Москве. 1 декабря 1936 г. в Киеве, на берегу Днепра, В. А. Дранишников искупал слушателей в "Тихом Доне". Так он искупал свою вину.

Назначение Самосуда в Большой театр вызвало в Москве явное недоумение. Остряки утверждали, что произошел "Самосуд над

Головановым". Вне сомнения, Самосуд относится к числу солидных мастеров дирижирования. У него немало музыкальных заслуг. Но теперь он стал верным прислужником Сталина, с ним согласовывал не только репертуар, но и состав исполнителей, активно участвовал в укрощении искусства.

Время — лучший судья. Не раз поговаривали о необходимости вернуть Голованова. Не спасла Самосуда и Сталинская премия за спектакль "Иван Сусанин" в Большом театре. В 1943 г. он был освобожден от своей должности и назначен главным дирижером объединившихся музыкальных театров имени К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко. Впоследствии Голованов был возвращен в Большой театр и стал главным дирижером.

Относительно спокойной была жизнь молодых советских виртуозов. На них возрос спрос. Советские музыканты отправлялись за границу для участия в международных конкурсах виртуозов. Надо было доказать миру превосходство советской музыкальной школы и убедить всех, что только под руководством товарища Сталина она поднялась на недостижимую высоту. Так, в 1935 г. был конкурс скрипачей имени Венявского в Варшаве, где Давиду Ойстраху присудили 2-ю премию

(француженка Жаннет Невэ оказалась неподобной). В 1936 г. на международном конкурсе пианистов в Вене Я. В. Флиер и Эмиль Гилельс заняли первое и второе место.

Но нельзя сказать, чтобы музыкантам предоставляли полную свободу в выборе своего репертуара. Каждая концертная программа строго контролировалась, беспощадно расправлялись с современной западной музыкой, категорически запрещали играть произведения Игоря Стравинского и других русских эмигрантов, да и по анкетным данным судили о качестве произведений своих советских композиторов. Особенно доставалось авторам вокальных произведений. А если композитору случалось написать романс на стихи репрессированного поэта, то он за это дорого расплачивался.

Полвека укрощения искусства — печальнейший юбилей. Не вернуть утраченное, хотя попытки реабилитации и возрождения заметно появляются. Воскрешение из мертвых не всегда компенсирует утраченное. А ведь если бы не было красного террора в области русского искусства, все бы выглядело иначе. Возложение цветов на могилы не только знак уважения и почитания, но и знак скорби по безвозвратно утраченному.

Д. ШТУРМАН

ВО ИМЯ ИСТИНЫ И СПАСЕНИЯ

Автор книги, о которой я хочу высказать несколько соображений, их уже не услышит: он умер в конце 1970-х годов. Однако его книга — "Родословная большевизма" (ИМКА-Пресс, 1982) — не просто злободневна, но делается день ото дня злободневнее. Книга не была завершена автором. Ее конец мог бы стать началом нового самостоятельного исследования. В издании есть досадные опечатки¹ и необъяснимые пропуски по отношению к рукописи (близкие писателя любезно прислали мне экземпляр книги со сделанными от руки вставками, поправками и дополнениями). Но до этого я уже читала книгу без правки, и она произвела на меня сильное впечатление. Ее ценность не снижается всеми сделанными мною оговорками.

В. С. Варшавский утверждает, исследует и документально доказывает *общечеловеческое*, а не монополющее русское или российское происхождение большевизма. Книга его начисто лишена самоуверенной голословности боль-

шинства сторонников противоположной концепции. И весьма характерно, что за три года, истекшие после издания "Родословной большевизма", пишущие на русском языке сторонники сугубо российской этиологии большевизма ничего доказательств В. С. Варшавского не попытались противопоставить. Они предпочли игнорировать его версию непрерывно вновь и вновь поднимаемого вопроса².

Особенность книги В. С. Варшавского, как и множества русских свободно изданных за рубежом СССР книг текущего века — ее обращенность к мировому читателю. Увы, за шестьдесят семь лет российская диаспора не создала издательства, которое занималось бы переводом ее творений, обращенных не только к соотечественникам и соэмигрантам, но и к другим народам, на иностранные языки.

¹ Из последних выступлений на эту тему см. ст. М. Геллера в "Русской Мысли" №3556 за 14 февраля 1985г. "И один в поле воин", посвященную памяти недавно скончавшегося И. Мацкевича, решительного пропагандиста всечеловеческого происхождения коммунизма.

¹ "Авторитетная" вместо "авторитарная" на стр. 32, в цитате из Энгельса; "Гегель" вместо "Гегббельса" на стр. 51 и т. п.

Мне приходилось читать и слышать от многих переводимых русских эмигрантских писателей, что и переведенное — не читается. Точно не могу знать, но предполагаю, что причина отчасти в плохой рекламе переводимых книг, отчасти — в том, что читается и вызывает благожелательную реакцию в прессе то, что созвучно преобладающему в западной интеллектуальной среде настроению. А созвучно ему стремление представить большевизм явлением национально-русским.

От давних и непрерывных выступлений А. Солженицына и до последней статьи М. Геллера, многими авторами изо дня в день констатируется непосредственная политико-психологическая опасность ошибочного истолкования коммунизма как явления чисто русского, а то и русского. Этот ложный взгляд убивает бдительность народов мира и мешает им замечать симптомы становления их отечественного коммунизма — *полностью* осуществленного социализма в той единственной форме, в какой последний способен исчерпывающе реализоваться.

Иллюзия чисто российской этиологии большевизма вселяет в инациональных марксистов уверенность, что *их* (нерусский, нероссийский) коммунизм будет отличаться от того, каким он предстает перед ними во всех ныне известных своих воплощениях. Несмотря на свои, казалось бы неотклонимые, и жизненные и литературные опровержения, этот ложный и социально-опасный взгляд на большевизм как на уродливый, но закономерно-естественный плод уникальной российской истории возникает в печати снова и снова и с такой же методичностью опять и опять опровергается. Не могу не упомянуть в качестве одного из самых блестящих опровержений этого взгляда книгу недавно умершего польского писателя Иосифа Мацкевича "Победа провокации" ("Заря", Лондон, Канада, 1983). Но и эта работа — не последнее слово в полемике. Предрассудки, обеспечивающие их носителям душевный комфорт, усиленно сопротивляются самым убедительным контрдоводам. А последние возникают снова и снова.

В статье В. Коссовского "Существовал ли когда-нибудь хороший русский?" ("Новое Русское Слово" от 3.11.1985) критически рассматривается мировая тенденция представлять историю России как нечто, полностью выпадающее из контекста европейской истории и несопоставимое с нею. Стремясь противопоставить этой тенденции взгляд более реалистический и потому более справедливый, В. Коссовский пишет:

"Полагая, что этого нельзя достичь без наших собственных усилий, я нахожу уместным обратиться к нашим историкам, писателям и публицистам с конкретным предложением — составить и издать, с переводом на

английский и другие языки, "Очерки по сравнительной истории России и Запада", в которых объективно, хорошо аргументированно и без намерения кого-нибудь обидеть будет показано приверженцам теории "исторической преемственности" коммунизма, что на Западе для него существовало не меньше "исторических предпосылок", чем в России и что захват власти коммунистами определяется не этими предпосылками, а несчастным стечением обстоятельств, от которых не застрахован ни один народ. События наших дней достаточно красноречиво говорят о том, что лицо коммунизма во всех странах, где он захватил власть, одинаково отвратительно".

Фактически, книга В. С. Варшавского и представляет собой труд в границах предлагаемой В. Коссовским грандиозной и первоначально злободневной темы — "Очерки по сравнительной истории России и Запада". Это — один из таких очерков, имеющий самостоятельное значение, несмотря на свою некоторую незавершенность.

На конкретном историческом материале, цитируя первоисточники или давая точные ссылки, В. С. Варшавский показывает: когда в Европе какие-то социальные силы брали на себя задачи, родственные большевистским (а это случалось), они выполняли (или старались выполнить) их теми же методами, с неменьшей жестокостью и неразборчивостью в средствах, чем это делали и делают коммунисты. В качестве примеров рассматриваются инквизиция, европейские хилястические эгалитарные ереси, якобинский террор и национал-социализм. Автор не забыл и о том, что во всех тех странах мира, где победили коммунистические режимы, последние тождественны друг другу. Разительный (европейский) пример — Германия. В двух ее частях, несмотря на единство национальных корней, существуют сегодня два совершенно разнородных общества. Западная часть принадлежит миру демократии, восточная — миру социалистического (коммунистического) тоталитаризма.

На многих примерах В. С. Варшавский показывает, что претензии на коренную и скорую перестройку общества и человека, насильственное подчинение всего общества и каждого его члена строго определенному образу мыслей и поведения, ломка естественно сложившихся форм общежития, этики, миропонимания порождают единую тактику по отношению к личности и к обществу, предопределяют родственные организационные структуры.

Единообразия возникает даже тогда, когда присутствуют не все эти факторы, а только некоторые из них, например, посягательство на полный контроль над внутренним миром и этикой каждого человека. Так, средневековая инквизиция не ломала сложившихся эконо-

мических отношений и вообще не являлась самостоятельной государствообразующей силой, а представляла собой одно из орудий власти либо духовных, либо светских правителей.

В. С. Варшавский показывает, что не только большевизму, но и западноевропейским явлениям, упомянутым выше, были присущи кровавая жестокость, идеологическая безапелляционность, агрессивность по отношению к инакомыслию, наступление на свободу слова (в том числе и со стороны "свободолюбивых" якобинцев), стимулирование тотального доносительства, террор, обретающий свойства цепной реакции, лепка родственных типов деятелей: тиранов, демагогов, бездумно жестоких исполнителей, доносителей и провокаторов.

Переходя к более близкому времени, автор исследует родственные черты нацистского и большевистского тоталитаризмов. Он обнаруживает, что и в этом случае западноевропейская однопартийная национал-социалистическая диктатура не оказалась более цивилизованной, чем советское социалистическое государство, возникшее на развалинах послефевральской России. Социалистический характер обеих диктатур автором, правда, не подчеркнут. Сделать это считаю своим долгом я. У него лишь выделены и перечислены черты несомненного сходства обоих режимов. Для его задачи показать наличие в истории Западной Европы и России, превратившейся в СССР, сходных злокачественных образований — этого достаточно.

По мнению автора, в марксизме "еще в известной мере сохранилось, хотя и в чудовищно искаженном виде, мессианское и вселенское вдохновение еврейских пророков и христианства", а "в национал-социализме оно окончательно исчезает. Остается только избранная раса" (стр. 175). Но ведь и расистскую идею можно рассматривать как чудовищное искажение ветхозаветной идеи избранного народа! Кстати, современные советские официозные антисемиты ("антисемиты") так и делают.

В. С. Варшавский выделяет парадоксальную закономерность: все перечисленные им террористические феномены возникли на почве благих намерений и высоких идей — христианского человеколюбия, проповеди свободы, равенства и братства, обретения права на райское блаженство (инквизиция) или построения рая на Земле (эгалитарные ереси и коммунизм). Казалось бы, исключением является национал-социализм, заведомо постулирующий уничтожение одних и порабощение других народов. Но ведь и нацизм обещал построить земной рай для немцев. А то, что при этом обрекались на уничтожение одни народы и на рабство другие, не противоречит общей

закономерности.

Все рассмотренные В. С. Варшавским исторические феномены кого-нибудь да обрекают на лишение благодати и на истребление: еретиков, иноверцев и атеистов; или монархов, аристократию и нелояльное духовенство: или "эксплуататорские" классы (буржуазии, землевладельцев и независимых крестьян); или евреев и цыган...

Классоцид вызывает в его наблюдателях и исследователях почему-то меньшее отвращение, чем геноцид. Нацистскую диктатуру часто стараются исключить из ряда социалистических режимов и даже противопоставить последним как феномен крайне правый — крайне левым. Между тем, социалистическая утопия в ее извращенном расистском варианте имела огромную власть над Гитлером и его сторонниками. Так же, впрочем, как и органически присущие немецкой культуре идеи обожествления нации и государства, апология "коллективной души народа", "симфонической" сильной личности ("сверхчеловека") и других символов "немецкого политического романтизма", демонстрирующего причудливую эволюцию "от Арминия... до Шпенглера, до Гитлера, до Третьего Рейха" (стр. 50—51).

Одна из центральных и удачно решенных задач книги — сравнительное исследование якобинства и большевизма, выявление общего между ними в исходных литературных идеях, в структуре и деятельности ведущих партий, в характере вождей, фракций и уклонов, в реальной государственной политике, в том числе и экономической, в их истинном отношении к праву и гражданским свободам. Даже цензуру и "железный занавес" успели восславить и частично декретировать якобинские идеологи. В книге приведены цитаты, не оставляющие в этом сомнений. Вот только судьбы обоих феноменов различны. Большевизм не рухнул во внутрипартийной борьбе и не дождался ни настоящего термидора, ни своего Наполеона, ни реставрации. *Пока* не дождался. Может быть, потому, что в полную меру, тотально он развернул свой внутрипартийный и внепартийный террор только тогда, когда им были созданы и освоены всепроникающие охранные, осведомительные, организационные, дезинформационно-пропагандистские и осуществляющие принуждение аппараты. Но ведь и нацизм рухнул лишь под ответными (на его агрессию) военными ударами извне.

В короткой статье невозможно воспроизвести во всех деталях развернутое В. С. Варшавским сопоставление якобинства и большевизма. Кстати, замечу, что Ленин не раз к этому сопоставлению прибегал, постоянно подчеркивая родство большевиков с якобинцами и сожалея о недостаточности развернутого последними террора для их окончатель-

ной победы. В. С. Варшавский весьма обособленно отклоняет не слабеющую почти два века идеализацию якобинства, проистекающую из популярности его исходного программного лозунга — "Свобода, Равенство, Братство". Он убедительно показывает, как в повседневной практике "благодетелей", насильствующих общество, эта программа превращается в свою прямую противоположность. И не только в России, но и в просвещенной Европе.

Взгляд В. С. Варшавского на устрашающие в их реальности явления, которые он рассматривает и сравнивает, не помрачен ненавистью и пристрастием. Поэтому отталкивающая действительность коммунизма не мешает исследователю видеть его альтруистические первичные стимулы, его исторические корни и причину его популярности в его исходном намерении осчастливить мир, в намерении, сохраненном в *фразеологии* (подчеркиваю: *только* в фразеологии) коммунистов. Извращенно-атеистическим образом коммунизм восходит, считает В. С. Варшавский, к "мессианским революционным движениям средневековья" (к эгалитарным ересям), а через них — к иудео-христианским истокам, обернувшимся в становлении и реализации марксистской доктрины собственной противоположностью. Испытывая большое уважение к Бердяеву, В. С. Варшавский тем не менее последовательно критикует его взгляд на большевизм как на детище исключительно российской, а не общеевропейской истории. Этот взгляд отвергается В. С. Варшавским не априори, а на постоянно развертываемых новых и новых примерах. В. С. Варшавский вообще далек от идеализации западноевропейской истории — как ее революций, так и ее средневековья, которое стало модным идеализировать ныне в некоторых диссидентских кругах.

Хорошо зная критику марксизма, предпринятую французскими "новыми философами" и Р. Ароном, В. С. Варшавский вслед за ними отвергает близорукий тезис о мнимой смерти марксизма. Б. А. Леви в книге "Варварство с человеческим лицом" пишет о "кризисе марксизма только в наших головах и в наших книгах" ("Родословная большевизма", стр. 94), не находящем еще, к несчастью, пути к массовому сознанию. В западном и "третьем" мирах марксизм все еще угрожающе популярен. Мечта о сытом, не знающем обременительного труда, одинаково беспечном для всех членов общества существовании объединяет в картине, развернутой В. С. Варшавским, средневековых сектантов, народные массы, идущие за якобинцами, героев "Чевенгура" Платонова (символ большевизма 1917—1920-х гг.) и нынешние промарксистские толпы в еще некоммунистическом мире. Тем не менее, повторяю, исходные побудительные

стимулы коммунизма, в глазах В. С. Варшавского, позитивны.

С полным сочувствием цитирует автор о. С. Булгакова: "Марксизм — переложение на язык безбожия и материализма пророчеств о Горе Божьей и мессианском царстве". Эта мысль многократно варьируется в размышлениях автора. В. С. Варшавский духовно примыкает к журналу "Новый Град", основанному в Париже в 1931 году, и родствен группировавшимся вокруг него мыслителям (И. И. Фондаминский, Ф. А. Степун, Г. П. Федотов и др.). Его пленяют идеи социализированного христианства: "Тот не читал пророков и Евангелия, кто отвергает вместе с марксизмом и стремление к социальной правде, которым марксизм пользуется для своей пропаганды" (стр. 156).

В. С. Варшавский призывает, полностью отказываясь от марксистских насильственных средств построения справедливого общества, не отрицать при этом исходные и конечные идеалы марксизма ("самый проект, весь без разбора"), а выдвинуть "соравный проект общества более свободного и братского" (стр. 158). Речь идет о христианском самосовершенствовании демократии. И здесь, как мне представляется, возникает некоторая недодуманность, неопределенность позиции автора и его единомышленников. В. С. Варшавский разделяет призыв Степуна к объединению трех идей: "христианской идеи абсолютной истины, гуманистически-просвещенческой идеи политической свободы и социалистической идеи социально-экономической справедливости" (стр. 168). Возникает законный вопрос: что есть в данном случае "социалистическая идея социально-экономической справедливости"? Сохраняется ли в проекте новгородцев экономическая свобода — независимая частная инициатива, с этой свободой неразрывно связанная? Или речь идет лишь о ненасильственном воплощении в жизнь все той же утопии эгалитарных ересей, социалистов-утопистов, марксизма и "Чевенгура", которая иначе, как полной противоположностью задуманному, на практике обернуться не может? Эти вопросы остаются в книге неразрешенными. Будем, однако, надеяться, что В. С. Варшавский мечтал о росте социально-экономической справедливости и о совершенствовании морали в условиях демократии западного типа, а не об утопической гуманизации социалистического централизма, смертельного для свободы личности и общества. Ибо свобода хозяйственная, экономическая есть такое же неотъемлемое и законное право личности и группы, как и свобода духовная и политико-идеологическая. И только в условиях экономической свободы общество оказывается в состоянии себя удовлетворительно обеспечивать.

В. С. Варшавский не раскрывает перед чи-

тателем своего конкретного представления о социализме. Однако его слова: "Социализм есть блудный сын христианства, который возвращается теперь в отчий дом" (стр. 165), — пугают и настораживают. Дело ведь не в том, через кого и какими путями приходит в мир социализм, а в его имманентной нецелесообразности и вытекающем из него деспотизме.

Очень много В. С. Варшавский говорит о ненасильственном построении Нового Града на Земле, утверждая, что истребление гидры — не христианская идея. Но сегодня горстка стран, в которых можно рассуждать на такие темы, писать такие книги и совершенствовать себя, окружающих и жизнь в духе любви и справедливости, осаждена империями Зла, ни на минуту не ослабляющими своей активности. Они движутся, расплозаются, глотают и перестраивают все, что могут, на свой лад!

Как их остановить любовью, не прибегая к силовым контрприемам? Как бороться с агрессией нацизма, или большевизма, или хомейнизма, не противопоставляя им самозащитной силы? В. С. Варшавский говорит лишь о проповеди добра и о благожелательном диалоге.

Но *они* проповедей не слышат и благих или роковых примеров не видят. Идею ненасилия и диалога они неизменно эксплуатируют в интересах своей агрессии. Диалог и взаимное уважение эффективны только при дву- (или много-) стороннем их принятии, как основных форм общения. А если "Васька слушает да ест"?

Книга заставляет о многом думать, продолжая живой диалог с ушедшим от нас мыслителем, преисполненным деятельного сострадания к человеку.

Л. ЛЮИГ

Печатается в порядке дискуссии

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ВСТРЕЧЕ В РЕЙКЬЯВИКЕ

Президент США Рейген и генеральный секретарь Советского Союза Горбачев встретились в Рейкьявике, чтобы договориться друг с другом относительно разоружения, но, как нам сообщили, ничего не получилось из-за того, что Горбачев потребовал от Рейгена отказаться от проекта СОИ (SDI), а Рейген настаивал на этом проекте, назвав его страховкой Соединенных Штатов. На многих результаты этой встречи произвел отрицательное впечатление и, я должна признаться, на меня тоже. Не из-за того, что они не смогли договориться, я этого и ожидала: ведь встреча в Женеве тоже ни к чему не привела. Она произвела на меня неприятное впечатление из-за того, какая причина была названа.

Если бы нам сообщили, что лидеры этих двух великих государств не смогли договориться из-за того, что Горбачев настаивал на своей тоталитарной системе, а Рейген старался ему объяснить, что вооружение Запада, т. е. НАТО и Соединенных Штатов, необходимо из-за тоталитарной системы Советского Союза и ею оправдывается и, поскольку она остается тоталитарной, ни о каком разоружении не может быть речи, то дело было бы совсем другое. Но, очевидно, господствующий в СССР режим Рейгена мало интересует. По-моему, Рейген упустил большой шанс, т. к. под угрозой атомной войны можно было бы потребовать от Горбачева хоть смягчить этот режим. Но этот главный вопрос, от которого зависит все остальное, вообще не был затронут. Иначе Рейген по-другому аргументировал бы. С точки зрения Рейгена, может быть, он никакого шанса и не упустил, т. к. он, если и является

антикоммунистом, то только для Америки и постольку, поскольку этот антикоммунизм совпадает с американскими интересами. Главное для Рейгена, чтоб Америка не находилась под угрозой Советского Союза и была бы непобедимой. А что в России или в Европе в этом отношении творится, ему более или менее безразлично.

Есть какая-то красная нить, которая тянется с 1917 года до наших дней. Когда в этом роковом 17-ом году свергли царский режим, президент США Вильсон приветствовал переворот и вступил в первую мировую войну, назвав ее крестовым походом за демократию, в то время как в России лилась кровь невинных людей. Троцкий приехал из Америки в Россию с несколькими миллионами долларов, чтобы сделать там революцию. И спрашивается, от кого он получил эти громадные суммы? Неужели от какого-то американского миллионера? Из каких соображений американский миллионер был бы заинтересован в перевороте в России? До сих пор, как мне известно, не установлено, кто и с какой целью вручил Троцкому эти деньги*. Почему Ленин со своими революционерами был пропущен во время первой мировой войны в plombированном вагоне через Германию и снабжен деньгами тоже размером в несколько миллионов марок от немецкого правительства, всем известно. Немецкое правительство рассчитывало и надеялось ослабить этим русское государ-

*Это вполне мог быть американский миллионер. Русский миллионер Савва Морозов давал деньги большевикам. (Прим. ред.)

ство, чтоб извлечь для себя наибольшие выгоды. Но, увы, "не рой яму другому, — сам в нее и попадешь!"

Американский специалист по русским вопросам Жорж Кеннан, не делая разницы между царским режимом и коммунистическим, пишет в своих мемуарах, что американское правительство в начале гражданской войны не знало, кого поддерживать: социалистов-революционеров или большевиков. Им было ясно только одно: не надо поддерживать Белую армию. Прежде американцы делали ставку на Керенского, и тот в момент своего провала знал, куда бежать: в американское посольство.

В 1933 году, после того как уничтожена была большая часть русской интеллигенции, после коллективизации, при которой погибло около 10 миллионов крестьян, когда в стране начался великий террор, американское правительство во главе с президентом Рузвельтом признало Советский Союз.

Когда во время второй мировой войны союзники в 1944 году стали делить Европу, отдавая Советскому Союзу всю его восточную часть и один англичанин обратился к Черчиллю со словами: "Разве вам непонятно, что все эти народы будут угнетены коммунистами?" — тот ему преспокойно ответил: "А вы собираетесь там жить?" И после отрицательного ответа добавил: "Зачем же вы тогда волнуетесь?"

В 1945 году Рузвельт отдал под власть или под влияние Советского Союза громадные пространства в Европе и Азии. Спрашивается, из-за чего и почему? Чтоб помочь этим народам?

Но когда коммунистическое влияние приближается к границам бывших союзников, например, когда у дверей американского государства старается победить и укрепиться коммунистический режим, то американцы вмешиваются во внутренние дела другого государства, как в наше время говорят, и предпринимает шаги, чтобы этого не допустить. И таким образом получается впечатление, что, мол, пусть коммунисты господствуют и угнетают людей, только бы они не угрожали бывшим союзникам по второй мировой войне и не являлись бы опасностью для них самих. Русские же и другие европейские и азиатские народы пусть страдают и не развиваются. Представьте себе только Россию свободную, не под игом коммунистической идеологии и системы, как она развивалась бы, какой экономической силой в мировом масштабе она являлась бы, какой высокой степени в культурном развитии она достигла бы! Но такой конкурент, очевидно, был бы западным союзникам не по душе.

Рузвельт и Черчилль прекрасно знали, что с 1917 года творилось в России, что там погибло

гораздо больше людей, чем в гитлеровской Германии. Сегодня, я надеюсь, всем это известно, и Рузвельта нельзя больше назвать невинным, добродушным человеком, который верил, что демократия в Советском Союзе и в Америке ничем не отличаются друг от друга, как он в свое время говорил. Рузвельт знал, что в Советском Союзе было убито много миллионов людей, но, тем не менее, он и Черчилль расширили влияние Советского Союза, может быть, думая, что Германия опаснее России под коммунистическим игом. Это будет страна, большая размером, но слабая в экономическом смысле, т. к. марксистская идеология тормозит всякое экономическое развитие и духовно убивает человека. И так они установили и утвердили политическое положение в Европе в 1945 году. Они разделили Европу и Германию, и Советский Союз, благодаря Америке, добился такой победы, о которой он и не мечтал во время войны.

Но в одном государственные деятели США и Великобритании ошиблись, а именно в том, что Советский Союз не может стать угрозой и для них и такой же атомной державой, как и они.

Западные союзники боялись Германии и ненавидели ее, но ненависть сплит. Они не делали разницы между гитлеровской Германией и свободной, освобожденной от национал-социалистического режима Германией. Когда борцы движения против Гитлера обратились к западным союзникам с вопросом, были бы они готовы заключить мир с Германией в том случае, если им удастся свергнуть Гитлера, союзники отказали им и прибавили, что заключат мир только под условием безоговорочной капитуляции. Этим они не только психологически, но и фактически уничтожили это движение. Как могли борцы сопротивления привлечь на свою сторону немецкую армию, не обещав ей мира? Но без армии сломать национал-социалистический режим было невозможно, как и показало 20-е июля. Причиной этой великой неудачи явилась позиция западных союзников, которые не делали разницы между гитлеровской и свободной Германией.

И в наше время создается впечатление, что наши союзники, во-первых, тоже не делают разницы между Россией и Советским Союзом и, во-вторых, примирились с положением в Европе, т. е. с тем, что в России господствует коммунистическая система и что Германия разделена. Они примирились со статусом кво в Европе, что и не удивительно, т. к. они его сами и создали. Этого статуса кво нарушать нельзя! И он не был нарушен ни разу с 1945 г. Когда, например, венгры в 1956 г. хотели сбросить коммунистическую диктатуру и подняли восстание, никто на Западе и пальцем не пошевелил. А в 1956 г. Советский Союз еще

не был атомной державой. Бедные поляки: они могут биться, как хотят, стараться сбросить эту лживую марксистскую идеологию, но ничего не получится. Против Советского Союза они слишком слабы, а с Запада ожидать нечего.

Бедные мы, антикоммунисты-европейцы.

Объединенной Германии никто не желает, антикоммунистической России как будто бы тоже никто не хочет. Обе были бы слишком сильны. Значит, нет выхода из положения?

А каково положение антикоммунистов в Советском Союзе? Похожее на борцов сопротивления против Гитлера.

М. МИХАЙЛОВ

О ТЕРРОРИЗМЕ

В последнее время во всем мире очень много говорят и пишут о терроризме. То здесь, то там взрываются самолеты, унося десятки и сотни жертв; взрывы происходят в аэропортах, на вокзалах, в ресторанах.

В то же время постоянно происходят покушения: на дипломатов, президентов, журналистов, на Папу Римского, на видных политических деятелей, и просто на служащих посольств. Похищения, шантаж жизнью заложников стали самым обыденным явлением. Группки палестинцев, басков, ирландских националистов, тамильцев в Шри Ланка, армянских националистов, члены "красных бригад", "фракций красной армии" и подпольной организации "прямое действие" — соревнуются в том, чтобы приписать себе как можно больше актов террора и таким образом повысить престиж своих организаций, террором добивающихся определенных политических целей.

В результате гибнут сотни совершенно не причастных людей, тысячи остаются искалеченными, миллионы туристов меняют свои маршруты, а демократические страны только начинают координировать свои усилия в борьбе с международным терроризмом.

Почему именно в наше время, в конце двадцатого столетия, происходит такой разгул терроризма, окрашенного во всевозможные цвета радуги? Почему, в подавляющем большинстве, жертвами террористических актов являются граждане и политические деятели демократических стран? Коренится ли терроризм во врожденной неспособности демократического общества успешно сопротивляться маленьким, но хорошо организованным группкам террористов? Или же наоборот, нынешний терроризм коренится в антидемократических и тоталитарных общественных системах? Почему в наше время терроризм стал интернациональным, и отличается ли он от терроризма всех предыдущих эпох?

Думается, что есть смысл попытаться ответить на эти вопросы, тем более, что подавляющее большинство книг и статей, печатающихся на эту тему, занимается главным образом лишь описанием механизма действия международного терроризма, историей становления "террористического интернациона-

ла", его скрытых контактов и питающей его социальной среды.

Оглянувшись в прошлое, приходится признать, что терроризм как средство политической борьбы для достижения всевозможных, часто противоположных целей существовал на всем протяжении истории человечества. Обычно террор разделяют на массовый и индивидуальный. Вплоть до двадцатого столетия массовым террором пользовались лишь власть имущие, желая сохранить свою власть, или же революционные деятели в целях укрепления новой власти. В наше время такой террор называют "государственным терроризмом", однако у нас речь идет не о таком терроризме, хотя его сближает с нынешним международным терроризмом тот факт, что и там, и тут жертвами в большинстве оказываются ни в чем не повинные люди.

Жертвами индивидуального террора чаще всего были именно носители власти. История человечества богата убийствами или же только покушениями на жизнь духовных или политических вождей, тиранов или освободителей. Никакой принципиальной разницы нету между террористическими актами, жертвами которых стали Юлий Цезарь и Александр Второй, Столыпин и Махатма Ганди, Линкольн или Кеннеди. Все это не ново, и даже само слово — покушение — в западно-европейских языках — "ассасине" — произошло от имени средневековой мусульманской секты "ассасинов", часто пользовавшихся индивидуальными террористическими актами для достижения определенных политических целей.

Однако в наше время можно наблюдать совершенно **новое явление**, а именно: многочисленные террористические акты, проводимые хорошо организованными подпольными группами, в результате чего часто гибнут ни в чем не повинные люди. Нередко жертвы исчисляются сотнями, и в этом смысле нынешний терроризм можно назвать массовым. Вот это и есть та разновидность терроризма, которая стала одной из весьма болезненных проблем нашего времени.

Первые ростки такого терроризма появились в 19-м столетии в результате двух важнейших исторических событий: развития технических средств уничтожения жизни, которые

стали мощным орудием в руках террористов, и появления идеологических учений, которые в наукообразной форме определяют насильственное изменение общества в интересах определенного класса, расы, нации или же всего человечества. Как это ни странно, но оба эти явления духовно родственны, и для обоих феноменов общей предпосылкой является отношение к существующей реальности как к объекту, внутренне не связанному с человеческой личностью. Разница лишь в том, что наука и техника объектом, подлежащим изменению, считают всю природу, включая космическое пространство, а идеологии революционного изменения общества и самого человека рассматривают как такой объект.

Несмотря на то, что современный терроризм зародился в 19-м столетии, необходимо подчеркнуть разницу между террористами наших дней и прошлого века. В то время как народовольцы или Боевая организация партии социалистов-революционеров в России, итальянские или испанские анархисты пытались избежать ни в чем не повинных жертв в совершаемых ими террористических актах, нынешние террористы нередко направляют свои удары на заведомо безвинных людей. В то время как террористы 19-го века часто считали, что, совершив успешное покушение, они сами должны расплатиться своей жизнью*, принося ее как бы в жертву своей идее, — в наши дни, в большинстве случаев, террористы даже не рискуют своей жизнью, а предпочитают тайком подложить взрывное устройство в самолет или ресторан, а самим вовремя скрыться.

Если добавить ко всему и тот факт, что новейшая техника более уязвима, чем техника прошлого века, например, крупнейший авиалайнер нетрудно сбить маленькой адской машиной, в то время как уничтожение парохода во много раз труднее, — станет более очевидным, почему терроризм так буйно расцвел именно в наши дни.

Террор двадцатого века неразрывно, как сиамский близнец, связан с тоталитаризмом, с той только разницей, что тоталитарные системы являются перманентным террористическим актом на уровне всего общества, в то время как террористический акт в демократическом мире являет собой микрокосм тоталитаризма.

Терроризм — отнюдь не только политическая проблема. Корни терроризма наших дней произрастают из тех же слоев духовного бытия человечества, из которых возникли все идеологии насильственного переустройства мира и общества нового времени. Мысль Маркса, что

”насилие — это повивальная бабка истории”, может служить оправданием террористам вне зависимости от цвета флага, под которым они выступают.

Хотя на первый взгляд мало общего между полностью контролируемым тоталитарным государством и бомбой, оказавшейся в багаже самолета, оба эти явления — симптомы одной и той же духовной болезни: оторванности от глубинных истоков бытия. Жизнь — это лишь объект, который можно и должно исправлять радикальным хирургическим действием. Человек, подбрасывающий бомбу в туристский самолет, так же легко пошлет массы людей в лагерь, конечно, во имя своей ”высшей”, надличной цели.

Не лишне вспомнить, что еще задолго до революции Ленин, осуждая индивидуальный террор народников как безрезультатный и даже вредный для дела революции, в то же время яростно защищал идею террора массового¹. Во время гражданской войны и красного террора в России Ленин учредил институт заложников, расплачивавшихся своей головой за действия других людей. Уже после победы, в 1922-м году, Владимир Ильич в письме Димитрию Курскому, наркому юстиции, требовал, чтобы советский суд не отрекался лицемерно от террора, а наоборот, открыто его провозгласил². Сталинская насильственная коллективизация и террор великих ”чисток” тридцатых годов лишь продолжили ленинский почин.

Введение и поддержание какой бы то ни было диктатуры невозможно без массового террора, так же, как и массовый государственный террор немыслим в демократическом обществе. Однако, благодаря монополии власти партии, включающей в себя и монополию на террор, террористические акты, ныне потрясающие демократический мир, почти невозможны в обществе тоталитарном. В этом причина того, что демократические страны намного более уязвимы перед группками подпольных террористов. Даже когда речь идет о ”классическом”, индивидуальном терроре, то не лишне сказать, что в нашем веке ни один вождь тоталитарного государства не стал жертвою покушения. Ни Фани Каплан, стрелявшей в Ленина, ни капитану Ильину, стрелявшему в Брежнева у Боровицких ворот Кремля, ни группке немецких офицеров, пытавшихся убить Гитлера, террористический акт не удался. Конечно, несравненно легче осуществить покушение на главу демократического государства, который, как все прочие граждане его страны, ходит пешком в кино по вечерам, как это было с шведским премьером Пальме.

В то время как борьба с актами индивидуального террора практически осуществима только в тоталитарных, ”закрытых”, по тер-

*Далеко не все террористы 19-го века были столь благородны. (Прим. ред.)

минологии английского философа Карла Поппера, обществах, с их сверхсекретностью и полной изоляцией вождя от народа, — в демократическом, "открытом", обществе, куда оно таковым останется, вряд ли найдется какая-либо эффективная защита от акта индивидуального террора, особенно если дело идет об убийце, готовом сложить свою голову. От "классического" террора защиты нет, и не об этом идет речь, когда обсуждается возможность эффективного противостояния терроризму со стороны демократических стран. Речь идет о борьбе с хорошо организованным, оснащенным новейшей техникой "террористическим интернационалом", с явлением немислимым в прошлом.

В нашем нынешнем мире, ставшем, благодаря прогрессу науки и техники, сравнительно очень маленьким и взаимозависимым, по существу противостоят друг другу не государства и нации, не военные союзы или религиозные движения, как это было веками, а общественные системы, основанные на противоположных началах: демократическая, основным двигателем которой является свобода каждой отдельной личности, и тоталитарная, в которой свобода каждой отдельной личности рассматривается как опаснейший враг сверхцентрализованной системы. По существу, можно было бы сказать, что ныне идет мировая гражданская война. Именно благодаря этому и зародился международный терроризм, интернациональное террористическое подполье, в котором левые террористические группировки сотрудничают с правыми*, палестинцы с ирландцами, японские террористы с немецкими и тому подобное.

Благодаря тому, что демократический мир более уязвим, международный терроризм, даже тогда, когда он не получает поддержки со стороны коммунистических стран, все же объективно является их союзником. О террористических группировках, которые Советский Союз прямо поддерживает, называя их "национально-освободительными движениями", и говорить не приходится.

С политической точки зрения, борьба с международным терроризмом могла бы быть успешной только в том случае, если бы все государства на нашей планете одинаково преследовали террористов, не давали им убежища и не поддерживали материально. Этого пытаются добиться демократический мир, координируя свои усилия в противостоянии террористам и принимая меры против стран, открыто их поддерживающих. Правда, до сих пор только Соединенные Штаты Америки,

поддержанные Англией, нанесли ответный удар по Ливии, однако недавно на встрече лидеров семи наиболее развитых промышленных стран мира в Токио была вынесена резолюция против международного терроризма, осуждающая Ливию и все другие государства, питающие террористам или же дающие им приют.

Энергично объединив усилия в борьбе с терроризмом, чего в демократическом мире, лишенном единого центра власти, очень трудно добиться, западный мир мог бы значительно ограничить деятельность террористов. Но и только. Полностью же искоренить международный терроризм, думается, невозможно, до тех пор, пока тоталитаризм во всех его разновидностях будет угрожать человечеству. Другими словами, — до тех пор, пока наша планета разделена на два противоборствующих стана. Победа демократических сил в мировом масштабе несомненно открыла бы возможность ликвидации интернационального терроризма, впрочем, так же, как и глобальная победа антидемократических сил. Разница лишь в том, что воцарение тоталитаризма во всей планете означало бы начало эпохи глобального перманентного террора, каковой существует во всех тоталитарных странах. Короче говоря — тоталитарная смерть излечила бы человечество от болезни терроризма. Уж лучше быть больным, да живым.

Настоящее же лечение от болезни, поразившей человечество, может начаться только в той же сфере, в которой началась болезнь, — в духовной сфере. Противоположность террористическому акту — это добровольная жертва "за други своя". Рисковать своей жизнью сознательно, в борьбе с терроризмом, как и в борьбе со всяким злом, может только тот, кто восстановил духовную связь с глубинным потоком бытия, только тот, для кого весь мир, а главное, другие люди, перестали быть просто объектами. Предпосылкой активной борьбы против зла является духовное просветление или пробуждение.

Именно об этом хорошо сказано в предисловии к сборнику статей о терроризме, напечатанном недавно в Америке под названием "Терроризм: как Запад может победить": "Запад может победить в войне с терроризмом, однако сперва он должен победить в войне с собственной слабостью. Для этого нужна будет храбрость... Во-первых, государственные и политические лидеры должны проявить смелость... чтобы вынести трудные решения... которые могут быть связаны с большим риском. ...Во-вторых, солдаты, призванные бороться с терроризмом, должны будут обладать большой боевой отвагой... однако существует также и третий вид храбрости: гражданское мужество, которое должен проявить весь народ. Все граждане демокра-

*Где же левые сотрудничают с правыми? Все перечисленные М. Михайловым группировки левые. Ирландская ИРО давно уже инфильтрирована коммунистами. (Прим. ред.)

тических стран, находящихся под угрозой терроризма, должны смотреть на самих себя, как на бойцов в общей битве”³.

Приняв во внимание взаимозависимость тоталитаризма и терроризма, можно свободно сказать, что борьба идет не между Западом и терроризмом, а между всем человечеством и двуликим злом — тоталитаризма и терроризма. Победа над этим злом, а также и успешная борьба с ним, возможна только в мировом масштабе. Каждое поражение терроризма в международном плане является в то же время и ударом по тоталитаризму, а это означает более достойную жизнь всех людей в тоталитарных странах. Так же и каждое поражение

тоталитарной власти перед лицом польской ”Солидарности” или диссидентов в Советском Союзе одновременно ослабляет духовную, а нередко и материальную базу терроризма. Борьба с терроризмом и тоталитаризмом взаимосвязаны, впрочем, как и все другое в нашем мире, ставшем таким маленьким.

¹ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, том 30, Москва, 1963, с. 182.

² V. I. Lenin, Collected Works, Moscow, Progress Publishers, 1963—70, Vol. 33, pp. 358—59.

³ Terrorism: How the West Can Win, Edited by Benjamin Netanyahu, Farrar, Straus, New York, 1986.

Протоиерей Д. КОНСТАНТИНОВ

СОВЕТСКИЙ КОСМИЧЕСКИЙ АТЕИЗМ

После значительного перерыва в СССР снова поднята для разработки проблема поиска внеземных цивилизаций. В материалах, посвященных указанной проблеме, отмечается, что прошло около 25 лет с тех пор, как идея внеземных цивилизаций (ВЦ) перестала рассматриваться как почти исключительно сфера деятельности фантастов и заняла подобающее ей место в ряду других научных проблем. Сама проблема значительно изменяется с конца пятидесятых годов. Изменяются ее структура и содержание. Вместо общих рассуждений о возможных формах жизни и разума в иных мирах на первое место выходят расчеты систем радиосвязи, применимых для расстояний в десятки и сотни световых лет, а также дискуссионные оценки возможного количества населенных миров в Галактике.

Своеобразие современной ситуации изучения проблемы ВЦ в СССР заключается и в том, что она ведется без всяких эмпирических данных о самих ВЦ и на основе материалистической диалектики. Последнее отнюдь не помогает, а, как мы увидим ниже, загоняет проблему ВЦ в безнадежный тупик. По мнению некоторых советских ученых, наличие жизни во Вселенной не может быть выведено непосредственно из содержания теории развития. Материалистическая диалектика не дает прямого доказательства существования инопланетных форм жизни. Но одновременно она по существу отвергает уникальность земной цивилизации, как ”неверную мировоззренчески и методологически”. Для официальной советской науки земная цивилизация — это не только земная цивилизация, но также и конкретное проявление космической цивилизации. Данное положение обязательно предусматривает множество внеземных цивилизаций, снимающих весьма неприятную мировоззренческую проблему уникальности земной

цивилизации. Правда, имеется оговорка: единственность земной цивилизации даже в рамках Метагалактики не означает ее абсолютной уникальности, но лишает всю проблему первоначальной простоты.

В СССР понимают: существенной особенностью проблемы ВЦ является ее фундаментальность. Она заключается в изучении наиболее глубоких связей человеческого общества и мира, места земной цивилизации в космосе. Речь идет о глубинных вопросах мировоззрения, сопровождающих человечество на всем протяжении его истории. Интерес к возможным далеким обитателям неведомых планет оказывается одновременно интересом к выяснению роли человечества в мировых процессах, а также ведет к существенным мировоззренческим выводам.

И вот здесь мы сталкиваемся с методологическими особенностями советских исследований. В соответствующей советской литературе по данному вопросу указывается на ряд планет, начиная с солнечной системы, которые по своим приводимым особенностям объявлены необитаемыми. С реалистической точки зрения ленинская ”объективная реальность” или, иначе, материя по существу является реальностью наших пяти органов чувств, дополнительно вооруженных соответствующим техническим оборудованием или аппаратурой, неизмеримо расширяющими их возможности. Но где и когда сказано, что эти расширенные возможности нашего восприятия являются конечными, за которыми не таятся еще иные ”объективные реальности”, невоспринимаемые в данное время нами? Где и кто мог доказать, что на планетах, например, с высокой температурой, не допускающей наши земные формы жизни, не имеется жизнь, недоступная нашему восприятию, жизнь существ, для которых высокая температура планеты не

имеет никакого отрицательного значения? Кто и где мог доказать, что на планетах, лишенных привычной нам атмосферы, нет живых существ, не нуждающихся в ней? Никто. И советская наука ни при каких условиях никогда не поставит подобного рода проблем, потому что они приведут ее к пересмотру многих установок, а возможно, и к признанию духовного мира, существующего в иных условиях космического пространства. Вот этого мира духовных существ, для которых не существует материальных препятствий для жизни на "необитаемых планетах", и боится советская наука и с ней вместе атеистическая пропаганда, интуитивно чувствующая безмерную загадочность космоса с его пока "необитаемыми мирами". А если они все-таки обитаемы? От такой "объективной реальности" советским идеологам становится не по себе.

Советская государственная атеистическая пропаганда за последние годы все больше и больше стала углубляться в космические проблемы. На страницах центрального антирелигиозного журнала "Наука и религия" стали часто появляться статьи, посвященные различным проблемам космоса со скрытой установкой связать их с теми или иными мировоззренческими проблемами. Космос на страницах советского антирелигиозного "официоза" недвусмысленно свидетельствовал о своего рода "смычке" между учреждениями, занимающимися ВЦ, и советской атеистической пропагандой. Эта связь свидетельствует о признании факта возможной мировоззренческой "опасности" со стороны космоса, лишаяющей советский атеизм его господствующего положения и ставящей больше чем под сомнение его искусственно непоколебимые ценности. Проблема внеземных цивилизаций неожиданно для советских атеистов обернулась животрепещущей мировоззренческой проблемой. Если их нет, то что же означают эти миллиарды "пустых" миров? — с тревогой спрашивают в редакции московского антирелигиозного журнала. Для чего они? Как складывается в этом случае мировоззренческая ситуация в отношении нашей планеты? Неужели надо вернуться к библейской концепции уникальности Земли? Быть может, признать реальность духовного невидимого мира, выходящего за пределы "объективной реальности"? Или еще хуже — признать идею рая и ада не столь уж и абсурдной? "В доме Отца Моего обителей много..." (Иоанн XIV, 2). Ну, а если, на худой конец, будут обнаружены ВЦ, то что они принесут нам? Новое мировоззрение? Иные социальные формы общественного устройства, быть может много совершеннее того, что творится на Земле? Что тогда будет с "единственным прогрессивным строем"? А с научно-атеистическим мировоззрением? Бесконечные тревожные вопросы, на

которые пока нет твердого ответа, но сулящие немалые неприятности современным идейным монополистам от атеизма.

Советская атеистическая пропаганда за последние годы активно перестраивается в предположении будущих боев за научный атеизм, которые могут возникнуть в связи с проникновением человечества в космос. Убедиться в этом можно, заглянув в советскую литературу, посвященную ВЦ и проблемам советского атеизма, связанным так или иначе с космосом.

Сравнительно недавно выпущенная в СССР книга — В. Д. Рубцов и А. Д. Урсул — "Проблема внеземных цивилизаций", философско-методологические аспекты (Кишинев, 1984) — на протяжении нескольких сот страниц постепенно раскрывает нам тревоги и заботы советских идеологов, связанных с этой не снимаемой пока проблемой. С точки зрения советских специалистов по космическим цивилизациям, проблема ВЦ находится в состоянии, близком к кризисному. В это состояние ее загнала все та же материалистическая диалектика. С одной стороны, все время расширяются теоретические разработки в области межзвездной связи, с другой стороны — безрезультатность подобного рода экспериментов подрывает доверие к теоретическим разработкам и заставляет пересматривать основы или искать совсем новых путей. Каких? На это пока ответа ясного нет. Но уже сейчас имеется течение, отрицающее существование ВЦ в условиях, тождественных нашим земным. Уже сейчас идет речь о возможности существования миров, отличающихся от нашей планеты не только пространственно-временным расположением, но и некоторыми "частными характеристиками" (?). Именно эти последние особенно не нравятся атеистическим боссам.

Как отмечают специалисты по ВЦ, "внеземная жизнь" и "внеземная цивилизация" являются идеальными объектами, обычно конструируемыми на основе выделения существенных признаков в эмпирических объектах "земная жизнь" и "земная цивилизация" с дальнейшей экстраполяцией этих признаков за пределы реальности, охваченной практикой и познанием земного человечества. И на этом фоне рождается советская наука о космическом социуме — астросоциология. "Не может ли эта новая наука с ее экстраполирующими особенностями стать более общей по сравнению с историческим материализмом?" — тревожно спрашивают авторы книги о ВЦ. "Нет, не станет", — успокаивают они: астросоциологию интересуют лишь некоторые аспекты общества — преимущественно обобщающего, крупномасштабного характера, в то время как исторический материализм есть всесторонняя концепция общества, описывающая и объясняющая его как сложную систему общественных отношений.

Спасая исторический материализм от каких бы то ни было "покушений со стороны" энтузиастов ВЦ, представители советской науки отмечают следующую интересную и тревожную для них деталь. По их мнению, исследованию проблемы ВЦ присуще одно важное противоречие. Констатируется: проблема ВЦ весьма далека от повседневных дел человечества. Никакого отношения она пока не имеет к выполнению тех или иных срочных дел. Продвижение проблемы ВЦ не сулит пока ничего положительного в смысле решения продовольственной, энергетической и ряда других глобальных проблем. Современная практика не требует быстрого и окончательного решения проблемы ВЦ. Земля может сама решить все свои проблемы, не прибегая к помощи космоса.

Все это так. Но одновременно советские ученые и идеологи констатируют некоторую необычность всей проблемы. Несмотря на практическую ненужность ее в данное время, она приобретает не снижающийся интерес. Наоборот, интерес к ней возрастает. Рассмотрение этой стороны проблемы ВЦ приводит советских специалистов к неоспоримому выводу, формулируемому следующими тезисами, которые мы даем в сокращенном виде. Предстоит выяснить, заявляют советские идеологи, социально-психологические и гносеологические причины такого интереса, нередко делающего едва ли не любое выступление по проблеме ВЦ почти сенсационным. Здесь проявляется несомненно интерес мировоззренческий, теоретический, его необходимо удовлетворить. Но почему он возникает, принимая иногда довольно острые формы? Это до известной степени опасно, так как "буржуазные авторы" создают свои сценарии решения проблемы ВЦ, трактуя их с позиций неприемлемых для марксистов. В этой связи советские специалисты считают весьма важным в плане не только мировоззренческом, но и философско-методологическом — противопоставить плюрализму западных концепций монистический диалектико-материалистический подход к проблеме ВЦ, подтверждая сказанное нами выше. В чем же прежде всего заключается этот подход применительно к ВЦ? Какие бы вопросы, связанные с ВЦ, ни рассматривались бы, надо всегда исходить из того положения, что мы рассматриваем иную жизнь и цивилизацию в космосе, сущностно похожие на земную жизнь и человечество. Такое положение выступает для советской космологической науки как основной теоретико-познавательный принцип. Отказ от этого принципа прак-

тически означает либо закрытие всей проблемы, либо перевод ее в область, лишенную реальной почвы, в область фантастики. Таково мнение советских специалистов.

Это последнее слово советской науки. Или жизнь в космосе, похожая на земную, с "объективной реальностью", или отказ от всей проблемы в целом. Почему же отказ? Потому что всякая иная жизнь в космосе, не похожая на земную и не носящая грубо материального характера, меняет в корне всю советскую мировоззренческую систему, подрывает в основе советское атеистическое мировоззрение, требует коренного пересмотра всей советской идеологии. Космос и ВЦ — весьма опасная для советской науки проблема, тающая в себе невероятные неожиданности, которые не сможет предусмотреть ни один автор фантастических романов, связанных с космосом.

Космос опасен, но одновременно, по заявлениям советских специалистов, необходимо разорвать "цепи геоцентризма", показать, что будущее нашей цивилизации и позитивное решение глобальных проблем не могут обойтись без освоения космоса. Трудное положение... Исследование космоса грозит открытием новых форм жизни, меняющих все "целостное советское мировоззрение", а отказ от изучения космоса грозит религиозным осмыслением особого положения нашей планеты, ее единственности и неповторимости...

Но советские "мудрецы" знают, где и как найти выход из затруднительного положения. Они считают, что разработкой проблемы ВЦ в социально-философском и методологическом ракурсе помогут шире использовать творческий потенциал, накопленный марксистско-ленинской теорией, получить ценные обобщающие знания, которые можно будет использовать не только для поиска ВЦ, но прежде всего для более глубокого познания человечества, его сущностных космических характеристик и тенденций развития, особенно для развертывания процесса освоения космоса.

Относительно глубокого познания человечества авторы советских книг о ВЦ по существу правы. Но сможет ли советская наука, действующая в рамках пресловутого марксизма-ленинизма, принять то, что откроет ей космос? В этом можно весьма усомниться. Она предпочтет прекратить исследования космоса, чтобы ни при каких условиях не нарушить "стройную систему марксистского мировоззрения". Такова реальность, связанная с советскими поисками внеземных цивилизаций. ■

Е. КАРМАЗИН

КРИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Страна и мир. "Самый "благопристойный", самый безликий и серый журнал эмиграции (прототип — памятный "Проблемы мира и социализма"), бездарный от оформительского клише до **никтошности** фамилий его редакторов и авторов", — так отозвался о "Стране и мире" — "Вечерний звон" (№ 6 от 10.10.86)*. Мы не можем полностью присоединиться к этой оценке, так как "Континент" отдает здесь пальму первенства "Посеву": "Политические комментарии на уровне колхозной многоглаголивости и теоретические мудрствования, своим качеством и унылостью напоминающие "Блокнот агитатора", только наизнанку. Мы можем со всей определенностью суммировать основные характеристики "Посева": серость, безграмотность и крайняя политическая претенциозность" ("Континент" № 48, стр. 413—414).

Мы отдаем должное остроумию и смелости наших коллег из "Континента" и "Вечернего звона", но в целях добросовестности приведем сначала мнение "Страны и мира" о себе: "Мы обращаемся в первую очередь к читателю в СССР. Что важно, что интересно для тех, кто может читать нас там. Чтобы иметь право высказываться, нужно Запад знать" ("Страна и мир", № 1—2, 1984). Попытаемся разобраться, насколько "Страна и мир" выполняет свои обещания.

Корреспонденция о Польше в журнале ведет В. Кучинский. Его сообщения резко отличаются от невразумительной агитации, которой печально славится польская страница "Русской мысли". Вот что, например, пишет Кучинский: "Подпольная пресса не всегда дает правильное представление о реакции общества. Тон в ней задают люди, больше других находящиеся в конфликте с властями. Однако так называемый простой человек может думать и по-другому (№ 9, 1984, стр. 4). В подпольной печати много пишут о задержаниях, арестах и осуждениях, однако число действительно посаженных весьма невелико. Средний срок составляет около 15 месяцев (№ 3, 1986, стр. 4). По пятибалльной системе в ходе обследования коэффициент доверия к Валенсе составил 3.1, к Ярузельскому — 3, к Буяку (датель подпольной "Солидарности") — 2.3, к Добрачиньскому (руководитель проправительственного Движения за национальное возрождение) — 2.6 (№ 4, 1986, стр. 8).

Журнал действительно старается дать информацию о Западе, но уровень этих материалов порой очень низкий. Вот, например, со-

общение о первичных выборах в США: "Каково соотношение избираемых и назначаемых депутатов? У республиканцев избирается 23% всех депутатов, у демократов — 36%. Первичные выборы в 23 штатах проводили и республиканцы, и демократы, в семи — только республиканцы, в трех — только демократы" (№ 11, 1984, стр. 16). Читатель в СССР сразу заметит халтуру: "Количество голосов, поданных на национальном съезде делегатами, избранными на первичных выборах от демократической партии возросло до 72,6% в 1976 г. В 1980 г. первичные выборы у демократов были проведены в 32 штатах и округе Колумбия. Аналогичные изменения произошли и в республиканской партии" ("США", Москва, "Мысль", 1982, стр. 338).

Вот другое сообщение. "Финляндия была единственной державой, закончившей войну на стороне союзников и вместе с тем вынужденной выплачивать репарации (Финляндия объявила войну Германии 4 марта 1945 г.)" (Альбер Бузоглы, № 4, 1984, стр. 46). Если не поленишься и разыскать тексты мирных договоров (хотя это можно помнить и наизусть), то мы увидим идентичные тексты, что "принимая во внимание, что Италия, Румыния, Болгария, Венгрия и Финляндия не просто вышли из войны против Объединенных наций, но и объявили войну Германии", — репарации устанавливаются: с Италии — 360 млн. долл., с Румынии — 300, с Болгарии — 70, с Венгрии — 300, с Финляндии — 300 млн. долл.

Иногда несообразности содержатся на разных страницах того же номера. Вот, например, в № 12, 1984, на стр. 22 указано, что албанцев в Югославии — 2 миллиона, а на стр. 23 — 1 миллион. В № 9, 1985, на стр. 8 указано, что в Шри Ланке из 15 млн. жителей — 12 млн. сингалов, 2 млн. тамилы и 1 млн. прочих, а на стр. 9 — что сингалов — 70% (10,5 млн.), тамилы — 17% (2,5 млн.) и прочих 13% (2 млн.). Чему, спрашивается, верить?

В № 7, 1985 (на стр. 7) указывается, что известный американский бизнесмен Арманд Хаммер после 1930 г. "исчезает с советского горизонта и появляется вновь лишь с приходом к власти второго Ильича — Брежнева". Короткая же память у "Страны и мира"! Но им стоило бы справиться, например, с книгой Eric Laurent "La corde pour les pendre" (Fayard, 1985, p.p. 124—130), чтобы вспомнить, что Хаммер встречался с Хрущевым в 1960, 1962 и 1964 годах.

Иные интересные сообщения, как, например, Е. Юнг о деле Бернарда Геца, который стрелял в нью-йоркском метро в грабителей-негров, остаются обрывочными. Его отдали

*Адрес редакции "Вечернего звона": Vladimir Kotliarov, 23 rue le Vau, 75020 Paris, France. Цена номера 10 фр., тираж 75 экз.

под суд — и чем же кончилось дело? — Редакция не считает себя обязанной дать читателям в СССР настоящую, а не фрагментарную информацию.

Обозреватель Г. Ферон часто пишет весьма поверхностно. Вот например: "США мечтали о том, что возникнут Соединенные Штаты Европы, — разумеется, их план был не вполне бескорыстен. Если они шли на риск, создавая себе конкурента, то делали это потому, что считали необходимым во имя собственной безопасности" (№ 3, 1984, стр. 2). Какие мелкие все же расчеты у Г. Ферона! Президент Рейган говорит об этом совсем по-другому: "Америка, как и 40 лет назад, полностью поддерживает идею европейского единства. Мы, как и раньше, считаем, что сильная и объединенная Европа — это не соперник, но еще более надежный партнер США. Эта политика рассматривает Новый и Старый свет как две одинаково важные опоры демократического сообщества" ("Континент", № 46, приложение, стр. 7).

Особенно поразительна по дезинформации заметка К. Любарского в № 8, 1985. Он, в частности, пишет: "Все западные страны охотно принимали еврейских беженцев: одни в пределах квот (довольно значительных) — например, США, другие неограниченно — например, Латинская Америка и Япония. В 1939 г. в Эвиане состоялась специальная конференция 36 западных стран по проблеме еврейских беженцев". — Читает ли К. Любарский хотя бы сегодняшние журналы? Вот в "Обзрении" № 15 Д. Штурман пишет: "Конференция в Эвиане оказалась глухой к единственной возможности попытаться спасти обреченных евреев. Наполненные чудом попавшими на них евреями корабли не принимались никакими странами. Они были вынуждены вернуться обратно на верную гибель, как "Сен Луи", либо быть потоплены, как "Струма".

"Пришлось бы считать Советский Союз лучшим другом Израиля на том основании, что он активно содействовал в ООН созданию этого государства — время, как говорится, было такое", — продолжает К. Любарский в той же заметке. — Но нет, не время, а дело было такое. Приведем опять-таки информацию из современных статье К. Любарского журналов.

Вот в журнале "Время и мы" № 83, 1985, Е. Маневич пишет: "Бен-Гурион глубоко разочаровал и обидел Сталина. Последний поддерживал еврейское государство до такой степени, что даже дал возможность многим летчикам-выпускникам Качинского военного училища репатрироваться в Израиль, и именно они заложили основу нынешней прославленной израильской авиации. Война за независимость была выиграна с помощью советского оружия, которое потоками шло в Па-

лестину через Чехословакию. Если бы Бен-Гурион обладал большей прозорливостью, он мог бы сочетать политику уступок и самостоятельности и не допустить резкого разрыва с Москвой. Однако первый глава Израиля совершил одну из судьбоносных ошибок. Несомненно, если бы израильтяне стали советскими сателлитами, как чехи или поляки, им не пришлось бы отстаивать свое право на жизнь. Никто в мире не осмелился бы угрожать существованию Израиля" (стр. 132—133).

В журнале "22" № 42 за июнь 1985 г. Амос Оз пишет: "Бен-Гурион испытывал сильное воздействие октябрьской революции и личности Ленина" (стр. 120).

В "Голосе Зарубежья" № 38 за сентябрь 1985 г. В. Пирожкова пишет: "Вначале Советский Союз ставил на карту Израиля. Он был первым государством, проголосовавшим в ООН за создание этого нового государства. В Палестину перед тем было заслано значительное количество евреев из СССР со специальным заданием. Они, однако, возложенных на них коммунистами надежд не оправдали. Тем не менее, первое время между Израилем и СССР были хорошие отношения... Часть прежних православных русских владений была передана московской патриархии, именно те владения, которые находились на территории Израиля в границах 1948 г." (стр. 21—22).

Отметим далее "безынформационное" изложение результатов выборов в Израиле. Корреспондент из Израиля А. Мильман пишет в № 9, 1984 (стр. 4), что консервативный Ликуд получил 41 место в парламенте (вместо 44 в 1981 г.), а социалистический Маарак 44 (47 в 1981 г.); на этом информация обрывается — на двух страницах А. Мильман рассуждает, не приводя фактов ни о выборах, ни о партийном составе правительства. Разве читателям в СССР не важно узнать все подробности? Привожу здесь эти редкие и на Западе сведения (благодаря любезности редакции журнала "22"): Ликуд 41 (48), Маарак 44 (47), другие правые 7 (3), другие левые 6 (3), центр 3 (2), религиозные 13 (13), коммунисты и прогрессисты 6 (4).

Странно читать в "Стране и мире" апологию кибуцев. Лешек Колаковский, знаменитый польский эмигрантский философ, не дал себе труда изучить дело и пишет: "Кибуцы представляют собой единственный успешный пример добровольных экономически рентабельных объединений" (№ 5, 1986, стр. 82). По этому вопросу Г. Померанц замечает: "Теория Сокирко позволяет поставить в один ряд монастырь Сергия Радонежского и израильский кибуц или коммуну Макаренко, как генераторы экономической активности" ("Поиски и размышления", № 2, стр. 14). В Белоцерковский в последней книге верно

констатирует: "Кибуцы — это уже коммунистическая формация". ("Самоуправление", Мюнхен, 1985, стр. 93).

А вот что пишет о кибуцах израильская пресса. Министр Гидеон Пат: "Кибуцы — это не рациональная экономическая форма. Производительность труда здесь в три раза ниже, чем в частном сельском хозяйстве. Кибуцам предоставляются очень большие государственные субсидии и льготы. Для них установлена специальная система налогообложения — налоги, которые платят кибуцы, ничтожны по сравнению с остальными (сельскохозяйственными) предприятиями в стране. Они платят за землю 30% того, что платит крестьянин. Они получают по значительно более дешевой цене воду и т. д. Несмотря на все эти субсидии, они экономически существовать за счет сельского хозяйства не могут, и сегодня кибуцы являются владельцами многих промышленных предприятий, на которых занята и наемная рабочая сила (70 с лишним процентов). В кибуцах проживает только 2,5% населения" ("Неделя", 30.10.74).

Министр сельского хозяйства Гвати: "50% доходов кибуцев поступает от принадлежащих кибуцам промышленных предприятий" ("Неделя", 19.6.74).

Премьер-министр Менахем Бегин: "Кибуцники — это наглые миллионеры, наслаждающиеся в своих плавательных бассейнах" ("22" № 35, стр. 138).

От себя добавлю, что о добровольности в кибуцах не может быть и речи: они не платят зарплаты, поэтому уйти из них экономически невозможно, а кибуцные школы даже не выдают документов об окончании школы, чтобы дети не могли уйти учиться или работать. Даровой труд иностранных добровольцев весьма убедительно окрашивает "экономическую рентабельность" кибуцев.

В № 12 за 1985 г. помещена беседа с Р. Клайном, бывшим в 1962–65 гг. заместителем директора американского ЦРУ. Илья Левков (известный читателям по злостным нападкам на широкую массу третьей волны) на 8 страницах обсуждает с Р. Клайном деятельность Центрального Разведывательного Управления США. Уровень этой беседы, к сожалению, ниже всякой критики. Вот, например, Р. Клайн сообщает, что "мы добыли и предали огласке секретную речь Хрущева на XX съезде КПСС. Нам помогли в этом граждане одной из стран Восточной Европы, и мы не пожалели денег на оплату их труда" (стр. 78). Одновременно с этой версией в печати опубликованы две других. Журнал "Проблемы Восточной Европы" сообщает, со ссылкой на бывшего первого секретаря компартии Польши Эдварда Охаба, что "секретный доклад Хрущева в Польше продавался на толкучке. Копии распространялись по всей Поль-

ше, и часть их попала за границу. Не все пронумерованные экземпляры доклада Хрущева были возвращены в ЦК, трех экземпляров не доставало. Товарищи объяснили это тем, что они их сожгли" (№ 13–14, 1985, стр. 216–218)*. С другой стороны, журнал "22" сообщает: "Увы, здесь не место и не время рассказывать обо всех подвигах израильской разведки — до похищения секретного доклада Хрущева на XX съезде" (Р. Блехман, № 46, 1986, стр. 112). — По нашему же мнению, здесь просто имела место намеренная "утечка информации", организованная по указанию Хрущева.

О советской жизни журнал тоже печатает несообразности. Так, в № 7 за 1985 г. журнал сообщил, что "больше внимания привлекает возвращение в высшее военное командование маршала Огаркова. Он вновь получил один из своих прежних постов — первого заместителя министра обороны, но вместо второго поста — начальника генштаба — он занял место Куликова и стал во главе вооруженных сил Варшавского договора" (стр. 24). Как известно, это сообщение было дезинформацией, но журнал не посчитал нужным исправить свою ошибку. Вместо этого, в № 6 за 1986 г. он, как ни в чем не бывало, сообщает, что "назначение Огаркова на пост начальника штаба Западного театра военных действий, включающего всю Европу, свидетельствует..." (стр. 17) — о том, добавим мы, что Огарков удален из Москвы, что и требовалось доказать.

Впрочем, фантазией насчет Огаркова "Русская мысль" далеко превзошла "Страну и мир". 2 мая 1986 г. газета напечатала сообщение со ссылкой на "сведения, полученные нами из Москвы", где пишет, что "несколько месяцев назад Огарков был назначен председателем Совета Оборона СССР. На этом высшем государственном посту с момента создания Совета пребывали только генеральные секретари ЦК". Чтобы не пришлось сознаваться в запуске газетной утки, "Р. М." умолчала о назначении Огаркова начальником штаба Западного ТВД.

В свою очередь, в одной из своих статей Б. Хазанов делает следующее замечание: "Одна дама (Дора Штурман) определенно высказалась в том смысле, что критиковать Солженицына, не продавшись большевикам, невозможно" (№ 3, 1984, стр. 90). Не беремся судить по этому вопросу, но можем рассмотреть другое высказывание Б. Хазанова о том, что в СССР "огромное множество работников только числится на работе и анекдотические меры, принимаемые властями для восстановления трудовой дисциплины, — лишь свидетельство того, что бедствие приняло национальные масштабы" (№ 6, 1984, стр. 84). Можем признаться — нам кажется, что говорить такое, не продавшись большевикам,

можно только совершенно не зная жизни трудящихся в СССР.

Нам уже приходилось писать о материалах "источников, заслуживающих доверия", получаемых "Страной и миром" из Москвы. ("Голос Зарубежья" № 38, стр. 48). О подобных материалах агентство "Франс пресс" выразилось так: "Как это часто случается в Советском Союзе, за отсутствием официальной информации, параллельные круги берут на себя распространение новостей, столь же сенсационных, сколь и непроверяемых" ("Р. М.", 11.4.86). С одним из таких материалов мы сталкиваемся, читая письмо Э. С. Орловского "Инженер на картошке" (№ 8, 1984). Вот что пишет автор: "Во многих случаях за день, отработанный на сельскохозяйственных работах, работники требуют и получают оплаченный отгул на полдня или даже на 1–2 дня". Это — советская агитация. ... "Большинство работников, привлекаемых к сельскохозяйственным и прочим работам, не чувствуют себя очень уж ущемленными. Лично они и их здоровье в большинстве случаев не страдают". Это — советская пропаганда... "То, что именуется себестоимостью в документах, отличается от истинной себестоимости не на несколько процентов, а в лучшем случае в несколько раз, а то и в несколько десятков раз. Труд экономистов, подсчитывающих эти фиктивные цифры, в лучшем случае бесполезен", — продолжает автор. Это уже не ложь, а глубокое невежество. О подобных случаях Г. Свирский говорил: "Это подлинная болезнь многих выдающихся в своем деле людей — считать, что они столь же компетентны и во всем прочем, во всех проблемах. Сия **мания всезнания** становится, увы, не смешной"... ("На лобном месте", Лондон, 1979, стр. 281). Добавим, что нам неизвестно, насколько выдающимся в своем деле является Э. Орловский.

С другой стороны, отметим ряд ценных материалов, напечатанных "Страной и миром". Тут можно указать на интереснейшую статью Вас. Рудича "Императорский Рим и Советская Россия" (№ 11, 1984), где, детально описывая римскую систему, автор, в частности, замечает: "Сравнение Соединенных Штатов Америки с Римской империей эпохи упадка, сколь бы захватывающим оно ни казалось на первый взгляд, вряд ли законно, — два эти общества скорее противоположны". Вся статья Рудича является как бы ответом на унылые разглагольствования знаменитого советского византиста А. Каждана (ныне ст. научный сотрудник Гарвардского университета) в "Трибуне" № 2: "Расхожая политическая доктрина древних греков, сформулированная, в частности, Аристотелем, состояла в признании трех ведущих форм — монархии, аристократии и демократии. Было бы разумнее противопо-

ставить две структуры, которые можно было бы условно окрестить демократической и тоталитарной. Очень соблазнительно сказать, что тоталитаризм всегда плох, а демократия всегда хороша. Боюсь, что это так же утешительно, как сновторное".

Здесь уместно вспомнить, что А. П. Каждан в 1965 г. в Москве выпустил книгу "От Христа к Константину", где, в частности, писал: "В этой книге большое внимание уделено выяснению недостоверности христианских источников". Мы были бы более признательны А. Каждану, если бы вместо сомнительных историософских рассуждений он занялся "выяснением недостоверности" своей прежней книги (хотя бы на уровне советских исследователей И. Д. Амузина, М. М. Кубланова и И. С. Свенщицкой).

Важное дело осуществил журнал, опубликовав в № 8 за 1986 г. серию статей о Польше, в частности, А. Валицкого, который критикует "Солидарность" и замечает: "Старшее поколение, пережившее сталинизм, не согласится с тем, что режим Ярузельского хуже всех предыдущих. Правительство Ярузельского более терпимо, гибко и утонченно, нежели "либеральный" режим Герека. Некоторые бывшие советники "Солидарности" имели мужество признать это публично" (стр. 45). Насколько мы можем судить, последнее заявление Леха Валенсы идет навстречу этому мнению: "Не отказываясь от того, что позволяет воплотить в жизнь идеалы "Солидарности", мы готовы ликвидировать то, что, по мнению властей, входит в барьер, воздвигнутый "Солидарностью". Препятствия к диалогу лежат по обе стороны. Мы готовы дать свидетельство нашей доброй воли" ("Русская мысль", 10.10.86). Журнал отметил также контрастное отношение тоталитарности в партии в Польше: "Исключены из устава принцип смены руководящих кадров и правило о выборе первого секретаря непосредственно съездом из числа нескольких кандидатов" (В. Кучинский, № 8, 1986, стр. 5). "Русская мысль" этого возврата к сталинизму даже не заметила: "Все новое, что дал X съезд ПОРП, — это персональные перемены" ("Р. М." 11.7.86).

Очень ценная информация дана журналом о самоуправлении на предприятиях (№ 7 и 11, 1985), начисто сметающая неототалитарную концепцию В. Белоцерковского. Как верно заметил в другом месте Б. Парамонов, "Одно время Советы считались чем-то вроде здорового противовеса демократии; писали, что в Советах существует здоровое ядро некоей "производственной демократии", в отличие от формальной "территориальной"; что-то вроде искомым корпораций пытались усмотреть в Советах... Во что вылились Советы в качестве противовеса формальной демократии, хорошо известно. Но и сама идея корпоративного

общества, кажется, сошла на нет” (“Грани” №139, стр. 249–250).

В журнале есть и другие интересные материалы, например, корреспонденции Б. Вайля о Скандинавии, статья Е. Габовича о странах Центральной Америки (№4, 1985), или верные замечания Р. Б.: “Разбогатеть на земле — не разбогатеешь, смешно — это городские придумали, а если малость заработаешь... В артели будешь волынить, горло перегрызут: не умеешь — научим, не можешь — заставим” №3, 1985, стр. 18–19).

Вернемся к общей оценке “Страны и мира”. В “Вечернем звоне” №2 К. Любарский пишет: “Страна и мир” с самого начала поставила себе за правило не публиковать материалов, касающихся внутриэмигрантских отношений. Мы даже не отвечаем, когда нас самих обвиняют в “сговоре с Андроповым” и в “симпатиях к фашизму”. Г. Владимов отвечает К. Любарскому: “Сами Вы — предстали далеко не тем, за кого Вы пафосно себя выдаете, предстали заурядным партийно-начальственнолюбивым “гомо советикус”, думающим одно, говорящим другое, делающим третье”

(“Вечерний звон” №4).

Действительно, в письме К. Любарского против “Русской мысли”, направленном в одну из американских правительственных инстанций (и справедливо расцененном, как донос, т. к. К. Любарский подал его тайно и отказался опубликовать), пишется, в частности: “Напечатать же возражение или опровержение в “Р. М.” далеко не всегда бывает возможно, иной раз — в прямое нарушение закона о праве на ответ” (“Континент” №32, приложение, стр. 7–8). (Благодарим В. Е. Максимова за публикацию письма.)

Все же мы склонны, в целях объективности, предоставить последнее слово “Стране и миру”: “Главный отличительный признак интеллигентности — терпимость. Способность выслушивать, воспринимать, а иногда даже и принимать чужую точку зрения” (Р. Бахтамов, №8, 1986, стр. 27). И далее: “Писатель — совесть своего народа. Смолчит ли, затаит ли правду писатель, знаете: он — лжец” (Нобелевский лауреат Ярослав Сойферт, №5, 1986, стр. 102).

В. РУДИНСКИЙ

ОБЗОР ЗАРУБЕЖНОЙ ПЕЧАТИ

“Калифорнийский Вестник” №№63, 64, 65 и 66. Журнал издается на ротаторе; но когда видишь в нем имена: для стихов — И. Елагина, Г. Фесенко, Э. Бобровой, а для прозы — Л. Фабрициуса, Б. Филиппова, П. Палия, создается впечатление, что ныне возникает некий эмигрантский самиздат, куда уходят и где сосредотачиваются наиболее живые беллетристические силы 1-ой и 2-ой эмиграции. Включая те, которые и в журналах, делающихся типографским способом, публикуются; а много ли таких авторов, да и таких журналов? Даже первый, а тем более второй сорт до новейших писателей (поэтам еще относительно легче) вытеснены сейчас 3-ей волной, занявшей все наличные места. “Грани”, “Континент”, “Время и Мы”, “22” — целиком в руках новейших. Остается, в некоторой степени, “Новый Журнал”. Но и он несет на себе тяжелое наследство хотя и изжитого социал-демократического происхождения; пробиться на его страницы — трудная задача для всех, кроме немногих избранных; несмотря на то, что помещаемые в нем материалы, в большинстве случаев, — невысокого качества.

Что же, стихийно создающиеся журналы, как “Калифорнийский Вестник” и “Родник”, если они укрепятся на достигнутом уровне, и тем более, если они его еще повысят, могут сравняться со своими более внушительными по техническому оформлению соперниками, а то и их превзойти. Чего, а также и успеха у

широкой публики, мы им от души и пожелаем. Потому что, — опять-таки оставляя в стороне стихи, которые суть дело особое, — то, что покамест 3-я волна дает, в области романа и особенно рассказа, стоит ведь не на ахти какой высоте. Кого тут назвать? Раз, два, — и обчелся. Мелькали, положим, блестящие исключения, как А. Герц и М. Федотов. К. Прулину тут вряд ли можно считать: автобиографический жанр имеет в литературе свое специальное место. Максимов, Аксенов, Войнович, — все они, странным образом, переживают некое затмение и падение; на Владимове это менее заметно (подождем судить); Некрасов, тот, надо признать, исписался совсем. И притом, помимо литературных достоинств, темы их часто нам чужды; стиль нас коробит; даже орфография порою просто нестерпима. Итак, слава Богу, что появляются заповедники и прибежища для до новейших литераторов, к коим новейшие, в своей экспансии, абсолютно беспощадны.

Изобильные в журнале путевые и исторические очерки почти всегда интересны, но далеко не во всем убедительны. В. Сенютович правильно возражает Б. Ордовскому-Танаевскому, указывая, что знаменитая княжна Тараканова (знакомая русской публике по романам Г. Данилевского и Е. Салиаса) была самозванкой и авантюристкой, а отнюдь не дочерью императрицы Елизаветы Петровны. Сам он, в биографии Кутузова, несколько

скоропалительно отвергает традицию, что предок одного "пришел из немец", ссылаясь на апокрифичность родословной Иоанна Грозного, возводившейся к **кесарю Августу**. *Comparaison n'est pas raison!* М. Миллер сравнивает Мустафу Кемалю с Петром Великим. Но разница в том, что второй был законным монархом, а первый — узурпатором; да и деятельность их, по ценности, весьма различна. Н. Баскович описывает жизнь в Берлине под бомбами западных союзников, знакомую мне по опыту; описывает довольно верно, но крайне сжато. А. Аристова берется за чрезвычайно интересную тему о якобитах, но пишет корявым языком с сильнейшим английским акцентом и допускает странные промахи. Так, главного из генералов принца Карла-Эдуарда Стюарта она почему-то все время именует просто **лорд Джордж**. Его звали **лорд Джордж Муррей** (лично храбрый, но чересчур осторожный и педантичный полководец, он погубил дело, которое принц почти было уже выиграл, действуя по-суворовски, с вызывающей отвагой, согласно принципу: "Смелым Бог владеет!").

"**Страна и Мир**", №№ 4, 5 и 6. Как обеднели и выцвели сия страна и весь этот мир! Исчезли имена сколько-то известных журналистов, исчезли актуальные темы; ставимые проблемы затупились. Ну просто не о чем и говорить! Обзор политических событий окрашен сильной тенденцией налево; а сведения, все те же и свежее, легко почерпнуть из иностранных газет. Е. Эткинд, в своих "Письмах из Парижа" (кому?) тает от восторга перед памятью С. де Бовуар и Ж.-П. Сартра и восхваляет Ж. Жене, о котором мимоходом рассказывает, что, бежав из Иностранного Легиона, "он скитался по Европе, занимаясь проституцией", и что "как гомосексуалиста его преследовали многие полиции Европы". Каждому свое, конечно; а мы, признаться, не охотники до проституток, в прямом или в переносном смысле слова, и будь они мужского или женского пола.

Ну да что уж Сартр! С. Гифнер воспевает Ленина; и как! С нотками истерии во взвизгивающем голосе. На Западе он же превозносит **новых революционеров**: студентов, интеллигентов и женщин из буржуазной среды. О них нам трудно удержаться, чтобы не сказать: "С жиру бесятся!" "Не на фабрике происходит эта революция" — лирически восклицает Гифнер, — "а в школах и университетах". Ах, сих бы революционеров разложить, да выпороть! Конечно, советская-то власть, когда они ее устроят (а тем и кончится) с ними и не поцеремонится.

Американец Д. Биндер, критикуя Болгарию, особенно ей сурово ставит на вид исторические ее симпатии к России; которые ей, впрочем, не помешали во двух мировых вой-

нах стать на сторону Германии.

"**Время и Мы**" №88. Гвоздь номера — в интервью, взятом американцем Дж. Глэдом у А. Синявского (а заодно и у М. Розановой) и у В. Максимова. Занятно, что интервьюер не всегда на высоте (хотя и **профессор**): не знает, кто такой был И. Рейсс, смутно себе представляет судьбу Д. Святополка-Мирского. А уж русские поговорки у него и вовсе странные: "Я не я, и собака не моя". Как не вспомнить знаменитую пословицу: "У каждой старухи есть своя прореха"! Но — *passons!*

Максимов, желая подчеркнуть свою независимость от Солженицына, нападает на этого последнего с мало обоснованными обвинениями в идеализации русского народа. Вряд ли Александр Исаевич не понимает сам, что часть крестьянства (худшая) поддерживала раскулачивание; что среди писателей-деревенщиков есть карьеристы и приспособленцы; или не знает, что в эмиграции существовали совпартриоты и возвращенцы. Во **всяком** народе имеются преступные элементы; вспомним якобинскую Францию, поглядим на Китай или Камбоджу наших дней.

Впрочем, в ином Максимов совершенно прав; например, доказывая, что западная интеллигенция сегодня повторяет ошибки наших разночинцев; или констатируя, "что в мире происходит какой-то очень разрушительный для личности человека процесс"; или протестуя против расчленения России. Жаль только, что он то и дело употребляет "умные" слова, вроде **экстремальный** или **конфликтный**. Без них бы лучше. А С. Эфрона он зря записал в русские дворяне (положим, его мать была дворянка). И уж вовсе зря приводит он глупейшую фразу И. Бродского: мол зачем это 1-я (как факт, и 2-я) эмиграции **отступали с оружием в руках**; надо-де было наступать. Пока можно, и наступали; а против рожна не поперешь.

Менее приятное впечатление оставляет интервью Синявского с супругой. Максимов о нем остроумно сказал, что он пытается установить культ своей собственной личности. А это пока не выходит: эмигранты всех трех волн его не любят и не уважают, ни в качестве писателя, ни в качестве политика. На вопрос, для кого он пишет, его жена отвечает: "Для нашей собаки Матильды!" Но не мешало бы спросить мнение самой Матильды... Что Синявский ругает купно и Солженицына, и Максимова, и всю эмиграцию, — ничуть не диво. Люди, которые его не признают, не могут быть ни хорошими, ни умными, ни хотя бы культурными!

Розанова страстно и яростно доказывает недопустимость делать разницу между понятиями **советский** и **русский**.

Ее специально возмущает, помимо того, равнодушие доновой эмиграции к абст-

рактной живописи. Со всем тем почтеннейшую Марью Васильевну и поздравим; а подчиняться ее диктату уж лучше не станем.

”Синтаксис” № 15. Мы слышим голос озлобленного меньшинства, все более озлобленного ввиду факта, что никто в русской эмиграции всех трех призывов не хочет с ним иметь дела. Маленькая группка варится в своем соку и делает вещи, каких бы не надо. К числу оных отнесем интервью, насильственно взятое, при помощи микрофона, М. Розановой у В. Аксенова, и затем опубликованное. Аксенов, которого, заманив в кафе, допрашивают с пристрастием об его отношениях с ”Континентом”, вяло отбивается: ”Давайте лучше о бабах поговорим...”, а его припирают к стене: ”Вася, а вы читаете журнал, членом редакции которого вы являетесь?” Приемы, мягко выражаясь, недостойные.

Сам Синявский, — душа журнала, — уже не впервые говорит о преследующих его мучительных кошмарах, в коих голос подсознания ему твердит: ”Ты ненавидишь все русское... ты — Иуда, который продал Христа...” Как бы это расщепление личности не кончилось худо! Он себя спрашивает (риторически?), почему в отношении него ”советский и анти-советский суд сошлись”, дружно его отвергнув. Но кто не поймет почему, читая тут же его ядовитые оскорбления России и русским?

Г. Померанц громоздит Оссу на Пелион, щеголяя эрудицией для профанов, всеу помяная бушменов, японцев и византийцев, — и все для чего? Чтобы изругать ненавистных врагов своих: покойного царя Николая II и живого А. Солженицына. Один умер как мученик; другой сумел жить как герой, — разве до них сии жалкие плевки долетят? Ну, а ничего более серьезного из аморфной болтовни под претенциознейшим заглавием ”Роль масштабов времени и пространства в моделировании исторического процесса” (уф!) никакими силами не высосешь.

СТИШКИ Э. Лимонова бездарны и пусты. Всплывает наверх строка:

”Вчера пережрал и болит живот”.

Но она хоть в рамках пристойного; в отличие от остального.

В рассказике ”Гости” А. Синявский нас информирует, что когда к нему таковые жалуют, он от них прячется в уборную. Любопытная черта для будущих его биографов. Причем он считает даже нужным уточнить, что штаны не снимает. Напрасно только он здесь же цитирует Лермонтова; создается несоответствие, как в стиле, так и в уровне.

Идеология ”Синтаксиса” сосредоточена, однако, не в статьях Померанца и Синявского, а в таковой И. Шамира. Он идентифицирует себя с Улиссом, а доновейшую эмиграцию с циклопами. Сдается, ему бы скорее приравнять себя не к Одиссею, который был человек

умный, а к Терситу, о коем сказано:

Негу храброго Патрокла, жив презрительный Терсит.

За более развернутой характеристикой, отсылаем к Гомеру.

Правда, можно Шамира сравнить и с самим Юпитером; но только в одном отношении: он сердится, потому что не прав. А что его злит? Факт постепенного сближения новейших и доновейших в единый сплав эмиграции; и даже — *horribile dictu!* — сближение-то иногда не с левым, а с правым сектором (и, уж совсем для него непереносимо, — со 2-й волной!). Шамиру бы хотелось, чтобы 3-я волна сохраняла, как он сам, ненависть и отвращение, заученное им в СССР, ко всяким, по его издевательскому определению, **подхорунжим** и **есаулам**. А порою оказывается, что никаких противоречий у данных двух слоев нет, и при встрече они друг друга понимают и испытывают взаимную симпатию.

По схеме Шамира, диссиденты и всяческие враги советской власти, бежав из СССР, должны бы и на Западе стать врагами правительства стран, где живут, и примкнуть к левым, подрывным партиям. Но — дураков нет; они вместо того объединяются с антикоммунистами и, скажем, в Америке голосуют за Рейгана, а про Мондейля и слышать не желают, и даже в Израиле поддерживают правые группировки. Очень его раздражает и то, что они себя проявляют как верующие, а для него Бог, и христианский, и иудейский, есть враг № 1.

На проповедуемой им платформе стоит, увы, все в той же позиции, лишь ”Синтаксис”: зато оный — и один как перст.

Специально отвратительно ликование Шамира по поводу казни Е. Лукьянова и клевета на его память (имени Шамир не называет, но намекает весьма прозрачно). Большая низость души потребна для таких вот высказываний!

Противопоставляя и натравливая друг на друга доновейшие и новейшую волны, Шамир подчеркивает, что ”1-я и 2-я эмиграции уходили из России с оружием в руках”, 3-я же волна ”уходила мирно, холодея яйцами”. Ничего нет дурного выехать из СССР легально, когда возможно; и страх перед советскими палачами, опасными до последней минуты, вполне извинителен; но что же позорного отступить с боем, когда продолжать войну стало немислимо? Что же до обвинения в **коллорабации** (бросаемого нам тут же заодно), то если речь идет об участии во Власовском Движении, то мы о нем вспоминаем не то, что без стыда, а — с гордостью.

Заметим еще, что в устах Шамира советские концлагеря предстают чуть ли не домом отдыха: ”У нас не было лагерей уничтожения!” — со спесью выкликает он. Полагаем, что С. Рафальский был куда ближе к истине, сказав (в повести ”Искушение отца Афанасия”),

что кабы в ГУЛАГах поставили камеры для душения газом, многие бы добровольно построились в очередь, чтобы сразу покончить со страданиями.

"Панорама". Журнал становится постепенно все менее интересен. Разбираются вопросы менее значительные, чем прежде; авторы словно бы исчерпали свои возможности. Исключение составляет отличная статья В. Крейда "Красная нить большой прессы": "В США 1700 ежедневных газет", — констатирует он, — "и лишь одна из них, "Вашингтон Таймс", консервативная... Большая пресса США, включая радио и телевидение, не является ни консервативной, ни центристской, ни правой, а часто и не является правдивой... В феврале этого года журнал "Консерватив Дайджест" писал: "Мы знаем, что наша пресса пропитана советской пропагандой".

Но вот, в связи со 100-летием со дня рождения Гумилева, тот же Крейд пытается нас уверить, будто Николай Степанович ни в каких заговорах не состоял, и ни в чем не был виноват перед советской властью. Кому и зачем это нужно? Факт, что Гумилев умер в борьбе с большевизмом, делает его для нас всех еще милее и ближе, не только как поэта, но и как человека. И вовсе необидительна ссылка на А. Амфитеатрова, встречавшего Гумилева и не знавшего об его подпольной деятельности: про такие вещи не вещают *urbi et orbi*. Вот и то, А. Радашкевич в "Русской Мысли" приписывает (впрочем, несправедливо) Гумилеву чрезмерную откровенность. Вздор и то, что он де был чужд политической борьбе: свои взгляды, монархические и православные, он всегда громко выражал, да и самое его участие в войне ясно провозглашало его идеалы. Насчет же того, что ему не для кого было возвращаться в Россию, оно тоже не совсем точно: его ждала и звала любившая его Анна Энгельгардт, на которой он затем и женился.

Парижский репортер "Панорамы", Д. Савицкий, известный нам как порнограф, страстно стоит за сохранение левых у власти (ну да вряд ли французы его послушают...). Курьезно его невежество по части французского языка; например, **гран фортюн**, вместо гранд фортюн. А сколько апломбу! Не лучше обстоит с французским и у другого эксперта по французским делам, К. Сапгир, позирующей под старую парижанку и претендующей служить читателям гидом по Парижу. Известного писателя, Роже Мартена дю Гара, она называет **Роже Мартин де Гар**; площадь Сент Андре у нее превращается в немислимое для француз-**ов Сен Андре**. Впрочем, у нее и с русским неважно: вместо "эспланада" она пишет **эспланадо** ("леденящее душу эспланадо Инвалидов"). Зато она непрерывно щеголяет смелыми модернизмами, вроде **табунится** и **кан-**

туется. Савицкий с толком и компетентно рассуждает о среде наркоманов и торговцев наркотиками, очевидно, ему знакомой и привычной. Заметим все же, что в Городе-Светоче есть площадь Клиши, а площади **Клиш**, им упоминаемой, не имеется.

Г. Рыскин нас пугает, со слов некоего "пружинистого бизнесмена из русских эмигрантов": "В Париже нынче опасно... На улице могут вытащить кошелек". У страха глаза велики! Могут-то могут, конечно, как в любом большом городе. Только это не часто случается. А в остальном, согласимся, что: "Нужно быть настороже". Оно никогда и нигде не мешает!

Вайль и Генис считают Крылова **второсортным** писателем, в чем с ними мало кто согласится. Вот если их самих назвать **второсортными** критиками, — кто станет возражать? По счастью, они перенесли поле своих наблюдений с русской литературы на индусскую религию; в которой, разумеется, тоже ни бельмеса не понимают, — кроме того, что среди статуй и идиолов попадаются чрезвычайно неприличные.

"Русская Мысль". Танцую от удаления Г. Владимова с поста редактора "Граней", Г. Андреев энергично спихивает всю доновейшую эмиграцию в могилу, требуя, чтобы она очистила место для новейшей. Логика его представляет некоторые слабые точки: 1) Биологический возраст, на который он изо всех сил нажимает, не обязательно соответствует сроку выезда. Среди старой эмиграции, даже ограничиваясь кругом общественных и литературных деятелей, можно назвать и людей вовсе еще не старых, из второго поколения, порою родившихся уже за границей. Тогда как не все отнюдь новейшие (включая и самых крикливых) молоды по летам; 2) Как вот с недовольством отмечает Шамир (см. выше), известная часть 3-й волны (и не лучшая ли?) безболезненно сливается с прежними волнами, образуя их пополнение (коим мы никак не вздумаем пренебрегать!); 3) Работа журналиста не то, что работа землекопа; и способности нужны иные, не прямо связанные с годами; 4) Самое главное: то левое крыло теперешней эмиграции, на которое г-н Андреев базируется, может своих предшественников оттеснить, — но не заменить. Ибо русская эмиграция, при всех различиях, была и остается в массе патриотами и антикоммунистами. Люди, исповедующие коммунизм, хотя бы и с **человеческим лицом**, или в какой-либо еще разновидности, открыто выражающие руссофобию и желание расчленить Россию, не могут ни слиться с 1-й или 2-й эмиграцией, ни стать ее наследниками. Ибо, как сформулировал Есенин, нельзя повенчать:

Розу белую с черною жабой.

"Грани" № 139. Нередкость противный

номер! Слово бы редактор, уходя, хлопнул дверью. Стихи Л. Лосева, чисто заборная лирика. Стидно и цитировать. Вот все же, для иллюстрации:

Он шагает трудно и неловко,
вляпывается в кучи и ворчит,
и задорная его боеголовка
из ширинки незастегнутой торчит.

Не лучше и огромная **киноповесть** В. Аксенова "Блюз с русским акцентом". Акценто, наоборот, англо-американский, в стиле: "Wanna fuck?". С французским языком у автора скверно. Он нас уверяет, будто: "Je voudrais acheter des rennes!" означает "Хочу купить лисичек"; а это будет по-русски: "Мне хотелось бы купить оленей". М. Лемхин расхваливает фантастические повести братьев Стругацких. Читали. И не в восторге.

И. Серман защищает Маяковского против критики Ю. Карачиевского, напористо, надменно и неубедительно. Тот, скажем, нашел омерзительной строчку:

Я люблю смотреть как умирают дети.

Серман глубокомысленно ссылается на контекст, на эпоху, на нюансы... а фраза так и остается отгаликивающей. За то, что Карачиевский не одобряет ménage à trois четы Брик с Маяковским, Серман его обличает, что он де "во власти советского морального викторианства". Хотя за себя пугливо оговаривается: "Я бы не хотел, чтобы читатель счел меня убежденным сторонником брака втроем". И тут же, скоромно хихикая, тычет пальцем то в Гиппиус, то в Блока; но там было то, да совсем не то. И вдобавок еще глумливо жалуется, что Карачиевский занимается **детальями любовного треугольника**. Но как же быть, когда сам Владимир Владимирович про данные вещи непрерывно вопил в своем творчестве?!

Испытанные пошляки, г-да Вайль и Генис, разбирают книги, которые нам и читать не охота; разбирают скучно и серо.

Б. Парамонов ставит себе неблагоприятную задачу вознести и возвеличить "утилитарный расчет и формальный эгоизм" западного общества. Но идеализация не получается; нет-нет и прорываются слова вроде: "расчетливость, душевная сухость, ослабленность неофициальных человеческих связей" или "нравственность расчетливых торгашей". Человек он умный и талантливый, но взялся продавать дурной товар, выдающий себя плохим запахом. Отчего и скатывается в жульничество, объявляя: "Это строй мыслей англо-саксонского общества. Смеете ли вы осуждать?" На манер советского быта: "Кто против? Поднимите руку!" Или он же противопоставляет мешанство коммунизму, и спрашивает, что мы предпочитаем? Уж будто ничего иного и на свете не бывает! Во всяком случае, выходит согласно анекдоту: "Кто лучше, Сталин или

Гитлер?" Помимо прочего, даже если **разумный эгоизм** подходит Западу, это не значит, что он годится Востоку. Отсюда Парамонов неожиданно и немотивированно (за неразделение сих вот концепций?), переключается на необоснованные, точно бы вызванные некой личной обидой нападки на Солженицына: "Мнение о Солженицыне как о человеке, который "знает как надо" – пора решительно и бесповоротно оставить". Позвольте, почему же? Ведь и сам Парамонов признает, что Солженицын: "не устает искать истину, и других к тому же призывает". Программа, определенно, неплохая! Конечно, не обязательно с Солженицыным целиком соглашаться; но... нужно бы иметь аргументы серьезнее, чем мы здесь видим.

В размышлениях Р. Редлиха о славянофильстве много сомнительных и фальшивых нот. Но выпишем не без сочувствия 2 пассажа в конце его большой статьи: "Россия сегодня гораздо меньше Европа, чем она была 100 лет тому назад. А европейские суждения о ней еще наивнее и поверхностнее, чем они были при Данилевском и Леонтьеве"; "И западники, и славянофилы – русские люди, и выросли они на русской почве. И думается, наше западничество должно быть почвенническим, и наше почвенничество – западническим".

"**Вестник Р.Х.Д.**" № 147. В коротком отрывке из "Марга 17-го", Саша Ленартович продолжает сражаться за успех революции. В этюде В. Аксючица "Поэтическое богословие Марины Цветаевой", самое – да, пожалуй, и единственное, – интересное есть эпиграф, взятый из нее же (но откуда именно – не указано): "Все мои такие стихи, все вообще такие стихи обращены к Богу... Поверх голов – к Богу. По крайней мере, к ангелам. Так: все мои стихи к Богу если не обращены, то возвращены". Сдается, эти ее высказывания в корне опровергают мнение Н. Струве о равнодушии Цветаевой к религии, а то и о полном ее безверии.

"**Континент**" № 48. В виде исключения, многочисленные стихи в номере – частично совсем хорошие, как А. Лонгвинова и Б. Кенжеева, частично неплохие, как Т. Котович, частично средние, как Л. Эпштейн и Л. Иоффе; рифмованная макулатура на сей раз отсутствует. Выпишем из Логвинова описание Пскова:

Как во Пскове есть Великая река –

Что стекло стоит темна и глубока.

Так во Пскове церковь Троицы легка

Что за тыщу верст видна издалека.

Насчет стихов М. Бечковича, о качестве судить трудно: они переведены Н. Горбаневской, содержание же одобрим вполне, в частности его обращение к Е. Евтушенко, где есть две строки, исчерпывающих самую суть советского стихотворца:

У тебя на родине преследуют поэтов, —
Ты поднимаешь голос

против арестов в Боливии!

Отдел беллетристики слаб как обычно. Отметим нелепую манеру новейших говорить вместо "беллетристика" — **проза**; проза, это — любая нестихотворная речь. Мсье Журден всю жизнь говорил прозой, не отдавая себе в том отчета; что не превращало его в квалифицированного беллетриста.

К. Данилов многословен, пустословен и суесловен. Рассказ его "Краденый Бог" нуден и бессодержателен. Изобретаемые же им этимологии — абсолютно безграмотные. Он думает, что слово **крестьянин** происходит от слова **крест**; а оно — от имени Христа: **крестьянин** есть искаженное **христианин**.

В рассказе Ю. Лапидуса, Галя Абрамовна наконец-таки умерла:

Ну, право, лучше б не родилась!

В. Мигунов мечтает об Индии и о "сложном, вкусном, горьком блюде **расам**". Но его сочинение является блюдом пресным и невкусным. Исключительно гадок рассказ В. Матлина "Телеграмма для сеньора Штольца". Автор пытается героизировать охоту на "военных преступников". Сейчас, когда под маркою таковой советы активно вылавливают, при содействии обезумевших американцев, своих противников из числа бывших власовцев и тех представителей 2-й волны, которые рассказывали Западу правду о большевизме, — персонажи сей малохудожественной детективной истории не могут вызвать у порядочных людей ничего, кроме живейшей антипатии. Новелла Ф. Бермана "Косынка в белый горошек" симпатичнее остальных. Жаль однако, что у действующих лиц сугубо подчеркнуты низменные побуждения, и приглушены человеческие (которые все же угадываются).

Чех В. Белогородский городит чушь о культуре центральной Европы; не выдержав, переведшая (зачем?) его эссе Н. Горбаневская добавляет несколько замечаний, после коих от его умствований остается пшик.

Г. Владимов, уволенный с поста редактора "Граней", честит солидаристов, не оценивших его дарований по достоинству. В его обвинениях есть и верное; но больше несправедливого. Да и почему он претендовал, чтобы НТС ему подарил свой журнал, предоставив полную свободу рук?! Но главное — **как** он управлял. Не приходится удивляться, если иные читатели писали: "Ваш русскоязычный листок я не желаю больше видеть в своем почтовом ящике". Ведь все же Национально-Трудовой Союз поддерживал Власовское Движение и всегда был, — по крайней мере, официально, — организацией антикоммунистической. Кому в его кругах могли нравиться утверждения Владимова, будто в СССР весь народ, включая лишенцев и эзков, сплотился в эпоху 2-й

мировой в чувстве преданности Сталину? Всю до новейшую эмиграцию от подобной розовой просоветской лжи затошнило!

Некоторые упреки, бросаемые Владимовым, имеют нелепый характер, — и оскорбительный отнюдь не для одних солидаристов. Если те говорят, что "русское дело можно делать только русскими руками", то, очевидно, имеют в виду ограничение роли иностранных контрразведок, а не российских нацменов, и уж тем более не русских или давно обрусевших людей с нерусскими фамилиями. А он комментирует: "Куда только отнести Редлихов, Раров, Бонафедде, Брюно, Брудера, Ламздорфа, баронессу фон Кноринг". Вот туда и отнесем: к русским людям с нерусскими фамилиями; какими были, к примеру, Дельвиг и Кюхельбекер, Надсон и Блок. Мы можем быть несогласны со взглядами энтезосцев; но таких грубых и неприличных выпадов по их адресу мы себе никогда не позволим.

Предложение Г. Владимова, — отвергнутое солидаристами, — праздновать 9 мая, т. е. победу Сталина над Гитлером, напоминает мне как небезызвестный Мелетий Зыков предлагал власовцам справлять годовщину Октябрьской революции, от чего те, и в первую очередь их низовая масса, с ужасом отшатнулись.

Торжество Сталина означало порабощение Восточной Европы, а позже Китая и Индокитая, и Кубы, и... — Боже мой, какой длинный, черный, кровавый список надо уже составить! — выдачи казаков, власовцев (которым Владимов лицемерно сочувствует), угрозы свободному миру, висящую над его головой как Дамоклов меч, — и это нам праздновать?!

Дальше Владимов впадает в прямую советскую пропаганду. Странно и грустно, что В. Максимов свидетельствует свое полное ему сочувствие. Навряд ли ему в том не придется со временем раскаяться.

"Форум" № 15. Очерк Л. Копелева о встречах с В. Некрасовым раскрывает нам облик интеллигенции советского типа, которую трудно не презирать. Их первое знакомство протекало так: "Виктор Платонович сидел за столом... ипил водку... — "Всухую разговаривать не положено. Распорядитесь-ка насчет поллитра..." Мы пили..." И дальше: "А что необходимо для хорошей беседы? Нас тут пятеро, — значит два пол-литра". Официант принес водку и весьма скудную закуску... Приносили еще водку..." В конце концов: "Интервью так и не состоялось". Понятно! Как выражался А. К. Толстой:

И вот потонули в сивухе

Родные, святые мечты.

"Стрелец" №№ 6, 7 и 8. Много стихов, разного качества. Из них выделим, как лучшие, таковые О. Седаковой и Р. Левинзон. Отдел прозы гораздо бледнее. Но о нем, и о состо-

янии третьеволновой беллетристики в целом, предоставим слово М. Шнейерсон (из ее превосходных заметок "По журнальным страницам"): "Вопрос о состоянии эмигрантской прозы: о ее неизменном и, я бы сказала, несколько узком интересе к изображению пороков советского общества, лежащих на поверхности (падение нравов, пьянство, происки Г.Б.); о ее трагикомических мотивах, переходящих из произведения в произведение... Несмотря на яркую одаренность многих авторов, все это начинает смахивать порой на испорченную пластинку, которая без конца повторяет одну и ту же фразу".

Безоговорочно одобрим заявление Ю. Кублановского (в его интервью "Стрельцу": "Прошлогодняя кампания против А.И. Солженицына... Трудно вообразить что-то позорней". Эссе Е. Хорвата о Пушкине и Карамзине, которых он противопоставляет друг другу, полно натянутых и лукавых истолкований. Пушкин дан тут как его принято рисовать в СССР, т. е. безо всякого соответствия с реальностью. О Маяковском, И. Косинский присоединяется к Ю. Карабчиевскому, добавляя от себя еще более суровое осуждение, — жестокое, но, не будем спорить, заслуженное.

П. Гликман вспоминает участь скульптора Эрзи, вернувшегося из-за границы в СССР, и там повесившегося. Как это похоже на судьбу Цветаевой! Отметим, однако, досадные ошибки. По поводу псевдонима Эрзя, Гликман сообщает: "Настоящее имя его — Степан Дмитриевич Нередов, был он родом из Мордовии, а псевдоним "Эрзя" — название одной из национальностей, населявших этот край". Почему же **населявших**? Мордва делится и посейчас на 2 ветви, именующиеся соответственно Эрзя и Мокша. В той же статье, встречаем пассаж: "Мы ...дошли до знаменитого Болдино". Отчего же Болдино, а не Болдина? Это ведь не Толедо или Торонто, а русская деревня!

Нива" № 99. М. Волошин уговаривал некогда юную Цветаеву выдумать поэта Петухова, чтобы от имени такого писать патриотические стихи о России. И, о диво! Явился поэт Петухов; он подвизается ныне на страницах "Нивы". Только таланта у него поменьше, чем у Цветаевой. Впрочем, согласимся с его обращением тут к Е. Евтушенко:

Ты продал распаятую Россию!

"Вечерний Звон" №№ 1, 2, 3, 4 и 5. Скандал **Владимов versus НТС** породил во стане левых диссидентов перепалку, где вежливость и приличия отброшены; спор идет на уровне склок на коммунальной кухне, пересыпанный непечатными словами, грязными намеками и грубыми ругательствами. Хочется надеяться, что участникам, когда протрезвятся, станет стыдно. Если нет, — тем хуже для них. Нам же

остается смотреть со стороны, со смехом или с грустью.

Редакция "информационно-просветительского листка" находит, что Владимова из "Граней" — "поперли за хамоватость, за очевидную невоспитанность, за наглость... Противостоящая же к Омарилья столбом клубится над пирогом". В. Максимова редактор называет не иначе как **паханом**, но предлагает также ему присвоить имя **Владимира Павликовича Морозова**, ввиду его размолвки с сестрой, Е. Брейтбарт.

Сам Максимов, в письме к Любарскому, величает "Страну и Мир" его **убогим детищем** и комментирует, что ее распространение "обходится западному налогоплательщику на вес золота". К чему добавляет: "Разговоры о пр-р-инципиальности в Ваших устах звучат почти кощунственно, репутация Ваша в этом смысле общеизвестна".

М. В. Розановой редактор "Вечернего Звона" пишет: "Хвоста у вас нет. А есть хобот. Которым Вы норовите уцепить человека за горло". В письме же А. Снявскому присовокупляет: "Беда (или дьявольская сила?) М. В. в том, что, устанавливая моральные нормы для своих партнеров, она не относит их обязательности к себе". И заключает: "Он и она — одна Сатана". О Л. Копелеве он же высказывается так: "Но ведь Копелев, он и правда очень неумный человек... Это не оскорбление, а констатация факта". Достается и Солженицыну; оказывается, "он параноично безнадежен".

Сам виновник драмы, Г. Владимов, полагает, что: "Конфликт Владимов — НТС многое поставил на свои места". Увы — **места** печальные...

В целом, появление "Вечернего Звона" во фиордах и заводях эмигрантской прессы подобно рейду пиратского корабля на океане. Применим к нему строки Велимира Хлебникова:

У затона Трех Покойников,
Где лишь лебеда лучи,
Вышел парусник разбойников
Иступить свои мечи.

"Irish Slavonic Studies" № 5. Выпуск, посвященный специально отношениям между Россией и Ирландией, содержит уйму интересных материалов. Во вводной редакционной статье приводятся подробности о русских, посещавших Ирландию со времен Годунова. Изумляет один пробел: ни слова не сказано о красочной фигуре западника В. Печерина, сделавшегося католическим священником и прожившего долгие годы (с 1854 по 1885) в Лимерике и в Дублине, где он и умер. О нем его биограф, М. Гершензон, уточняет: "Его имя было известно по всей стране: он любил ирландцев, и они отвечали ему любовью". Притом, его карьера была озаглавлена сенсационным

процессом в 1856 г., по поводу обвинения в публичном сожжении протестантской Библии*.

П. О'Мира, разбирая вопрос об ирландцах на русской службе в 18-м веке, останавливается детально на биографии замечательного полководца П. де Ласси, достигшего в России, где он остался навсегда, чина фельдмаршала. Ряд его потомков последовал его примеру в качестве офицеров русской армии. Кроме них, у нас служили граф Дж. О'Рурк, Дж. Делап, Дж. Броун, Ч. О'Хара, и в целом по меньшей мере 20 уроженцев Зеленого Острова. Почти все они, как и некоторые шотландцы и англичане, — а тех тоже набралось немало, — были якобитами, участниками борьбы за восстановление законной династии Стюартов на английском троне; борьбы героической, но, к сожалению, неудачной. В России их деятельность оказалась, в основном, для нас плодотворной.

Ш. Грахам публикует неизвестный текст Гумилева, отрывок из пьесы "Красота Морни". Но речь идет, видимо, о черномом наброске в прозе: законченная драма была бы, наверное, в стихах. Любопытно, что Гумилев вновь обратился к ирландской теме, уже разработанной им в "Гондле".

*Суд, однако, установил, что В. Печерин публично сжигал лишь порнографию, а Библию подкинул в огонь один из его недоброжелателей, когда Печерин смотрел в другую сторону. Печерин был оправдан. Его с триумфом встретила многотысячная толпа. В Дублине есть ему памятник с надписью: "Великому священнику". (Прим. ред.)

Н. ВОЕЙКОВ

КОМПОЗИТОР А. К. ГЛАЗУНОВ

(К 50-летию его кончины)

В этом году исполнилось полвека со дня кончины Александра Константиновича Глазунова, одного из знаменитых русских композиторов. В нашу эпоху безумной и пошлой "свистопляски" почти во всех отраслях искусства особенно следует вкратце напомнить о Глазунове.

Он родился в Петербурге 29 июля 1865 года в богатой и культурной семье книгопродавцов Глазуновых. Родители его высоко ценили и любили музыку, причем мать А. К. брала уроки у Римского-Корсакова. Юный Саша, проявлявший в детстве музыкальные дарования, получил возможность заниматься с такими педагогами, как Балакирев и Римский-Корсаков. Последний в своих дневниках отвел юноше почетное место: будучи еще учеником реального училища, он уже сумел привлечь внимание именитых членов так называемого "Кружка Пяти" (Балакирев, Кюи,

По поводу поездки Б. Шоу в Советский Союз, А. Тейт убедительно показывает, что тот не был одурочен, а знал или, по крайней мере, догадывался обо всех творившихся там ужасах; но заранее решил, по своим соображениям, большевиков хвалить и им подыгрывать.

Е. Перехвальская дает картину кельтоведения в России сейчас, — и довольно безрадостную. Специалистов ни по бретонскому, ни по валлийскому языкам вообще нет. Есть, в сфере ирландского, несколько ученых, продолжающих труды крупнейшего русского кельтолога всех времен, профессора Ленинградского Университета А. А. Смирнова (лекции которого я имел когда-то счастье слушать); но общее впечатление от информации Перехвальской то, что их работа еле-еле теплится. Она все же не права, считая Смирнова основоположником изучения кельтских языков в России; у него имелись предшественники, как Е. Балабанова, переведшая на русский "Песни Оссиана" с обстоятельными комментариями.

"Cahiers du Monde Russe et Soviétique" № 26 (3-4). На этот раз нам предлагают статьи на трех языках — французском, английском и русском, — с весьма разнообразным кругом тем: Ж.-Ф. Жаккара о Хармсе, Л. Геллера о Паустовском, Д. Бон о Федотове, Дж. Бербанка о Маргове и Чернове, С. Шварцбанда о Пушкине и Мицкевиче.

Р. С. В "Обзоре" в № 42 вкрались две досадные опечатки. Вместо Л. Геллер поставлено М. Геллер; вместо "де Жером Савонарол" напечатано "не Жером Савонарол".

Мусоргский, Бородин, Римский-Корсаков). Римский-Корсаков писал: "... Случайно Балакирев принес мне композицию одного ученика 14 или 15 лет, Саши Глазунова. Это была оркестровая партитура, написанная по-детски, но талант мальчика был очевиден. Недолго спустя, во время сезона 1879-1880, Балакирев представил его мне, чтобы он мог со мной учиться. Давая уроки элементарной теории его матери, начал я учить и молодого Сашу... Его музыкальное развитие шло вперед не по дням, а буквально по часам. С самого начала наши отношения от простого знакомства, от отношений учителя к ученику постепенно перешли в дружбу, несмотря на разницу лет".

За полтора года Глазунов осилил полный курс композиции и в 16 лет сочинил свою 1-ую симфонию, которую посвятил своему учителю и другу. Она была исполнена 17 марта 1882 года на концерте Бесплатной Музыкаль-

ной Школы под управлением самого Балакирева и заслужила большой успех. Цезарь Кюи писал: "Это изумительное произведение, устрещающее своей преждевременной зрелостью". В. В. Стасов, вдохновитель русских композиторов и артистов, восторженно писал: "Глазунов представляет собою истинно изумительное явление как композитор, проявивший огромный талант в самые ранние годы юности, почти детства. Ему было всего 13 лет, когда начались теоретические занятия с Римским-Корсаковым, и уже через несколько месяцев стало очевидно, что этот юноша шел вперед такими гигантскими шагами, какими не шел в такие годы никто из его славных предшественников". Вот как отзывался об этом концерте Римский-Корсаков: "Это был поистине радостный день для всех нас, активных деятелей Петербургской школы музыки. Юная по вдохновению, но зрелая по технике и форме симфония заслужила свой большой успех... Слушатели поразились, когда композитор появился на сцене в гимназической форме, в ответ на вызовы".

Два года спустя Беляев издал сочинения Глазунова и приготовил их к исполнению на концерте 8 апреля 1884 года в Петербурге. Через месяц Глазунов поехал в Веймар, где познакомился с Листом, который так оценил 1-ую симфонию, что сам дирижировал при ее исполнении в этом городе. Со своей стороны, Глазунов посвятил ему свою 2-ую симфонию, написанную в 1886 году.

Творческий вклад Глазунова в мировую музыкальную литературу велик по объему и значителен по качеству: 8 симфоний (оконченных в начале 1900-х годов и неоконченная — 9-ая, 3 балета: "Раймонда", "Времена года" и "Барышня-Крестьянка", сюиты и увертюры для оркестра, 5 симфонических поэм на русские темы: "Кремль", "Лес", "Стенька Разин", "Море" и "Весна", 7 квартетов, квинтет, концерт для рояля, концерт для скрипки, сонаты, пьесы и романсы. Кроме того, он написал изумительную по своей духовности музыку, к мистерии "Царь Иудейский" Великого Князя Константина Константиновича (К. Р.), увертюру к опере "Князь Игорь" Бородина и оркестровку почти всего 3-го действия по наброскам, найденным после внезапной кончины композитора.

Следует особо подчеркнуть, что творчество Глазунова как бы примирило антагонизм, наблюдавшийся в конце прошлого века между ретивыми националистами "могучей кучки" и молодым поколением наших композиторов. Его национализм всюду очевиден, но лишен агрессивности, что позволило Глазунову сближаться с Чайковским, Лядовым, Арениским, Черепнинным, тогда как его успехи в западных столицах и Соединенных Штатах принесли ему прозвище "Русского Брамса". Ипполитов-

Иванов писал: "Все, что росло и развивалось после Глинки, Римского-Корсакова и Чайковского, что достигло зенита и поставило русскую школу во главе музыкального мирового движения, все, как в фокусе, сконцентрировалось в творчестве Глазунова".

В 1899 году Глазунов стал профессором Петербургской Консерватории, а в 1905, в возрасте 40 лет, был назначен ее директором, каковым пробыл до 1928 года, когда он расстался с родиной. На этом посту он проявил свои недюжинные педагогические способности, и через его руки прошло целое поколение будущих знаменитых композиторов и дирижеров, прославивших русскую школу музыки. Так, Глазунов содействовал проявлению таланта Шостаковича и многих других. Он всегда ценил Брамса за чистоту его произведений, что не мешало ему, бывшему юному питомцу "Пяти", выказывать приверженность к колоритному русскому национализму.

О современной музыке Глазунов писал в 1914 году следующее: "Мне думается, что мы приходим к концу великой эпохи музыкального искусства... эта область использована и исчерпана до дна. За три прошедшие десятилетия мы продвинулись вперед с поразительной скоростью как в технике, так и в свободе выражения. Когда я начинал композицию, 30 лет тому назад, после моих занятий с Римским-Корсаковым, в конце великой вагнеровской эры, мой учитель и я считались ультра-современными. Теперь же на нас смотрят как на старомодных. Мне не предвидится каких-либо значительных новых путей впереди". Уже накануне первой мировой войны, принесшей столько социальных, культурных и политических перемен, Глазунов отрицательно относился к атональной музыке.

Игорь Стравинский, тоже бывший ученик Римского-Корсакова, писал, что "в 1910 году Глазунов считался в России крупнейшим композитором симфоний. Каждое его новое произведение принималось как событие первостепенной важности благодаря мастерству формы, чистоте композиции, легкости и уверенности записи. Поэтому вполне естественно, что я взял эти симфонии как образец, несмотря на иные влияния". Со своей стороны, английский музыковед и критик Геральд Абрам писал: "Симфония Глазунова — это непрерывный поток мелодичных идей, изложенных в классической или романтической форме, сочно гармонизированных и прекрасно оркестрованных... в них находятся изумительные способы оркестрации... мастерство техники как бы без усилия изящно сочетается с мелодией фразировки. Кроме того, почти каждая симфония Глазунова звучит, как все другие".

Наш зарубежный музыковед В. Н. Мантулин в своем очерке о Глазунове приводит неполный перечень сподвижников компози-

тора, среди которых много знаменитостей мирового масштаба: Бородин, Римский-Корсаков, Лядов, Танеев, Аренский, Стасов, Беляев, Черепнин, Петипа, Фокин, Зилоти, Шостакович, Прокофьев, Эльман, Хейфец, Рахманинов, Никиш, Мейерхольд, Цимбалист, Шаляпин, Мильштейн, Чесноков и др. Он пишет: "Можно без преувеличения сказать, что все, что было значительного в России на музыкальном поприще, так или иначе дышало и созидало в содружестве с Глазуновым, а после октябрьской революции птенцы глазуновского гнезда рассыпались по всей земле, разнося плоды его славы". Проживавший в Бельгии композитор А. С. Ильешенко, высоко ценивший Глазунова, писал: "Глазунов и Чайковский создали образцы музыки к тому великолепному и помпезному зрелищу, именуемому балетным спектаклем времен Российской Империи, и вместе с Танеевым дали и высшее проявление симфонического и камерного стиля русской школы в конце 19-го века... Сколько благородной и самодовлеющей красоты в этой спокойно-содержательной музыкальной стихии Глазунова... в его музыке многое от идиллий седой древности и, вместе с тем, от романтизма эпохи средневекового рыцарства... со смертью Глазунова сошел с жизненной сцены последний из крупнейших русских композиторов, принадлежавший к героическому периоду развития русской музыки, великий мастер и зодчий вечного храма музыкального искусства". Ильешенко так же восхищенно писал, что симфонии Глазунова — это ряд прекрасных дворцов.

Оставшись в России после революции, чтобы спасти свою любимую консерваторию, Глазунов не замедлил убедиться в нелепости требований к нему советских заправил; политический произвол и насилие над искусст-

вом во всех областях вынудили, наконец, Глазунова последовать примеру Рахманинова, Шаляпина, Гречанинова и других и порвать всякую связь с режимом лжи и унижения личности. Летом 1928 года он выехал в Вену на Шубертовские торжества, откуда отправился в Париж, где и поселился, разделяя все трудности эмигрантского жития.

Выезд из СССР столь известного музыканта с мировым именем сильно раздосадовал советчиков времен Сталина, и спустя некоторое время Глазунова стали секретно убеждать вернуться на место директора консерватории. Видя, что все попытки его вернуть остались тщетными, советы начали кампанию, чтобы очернить имя Глазунова, величая его произведения "мертвечиной", а его самого "гнилым пнем"... Однако подобные выпады принимались повсюду со смехом, и вскоре их прекратили. Напомним, что Глазунов успел отстоять начинающего Шостаковича и многих других талантливых юношей, по политическим причинам неугодных советам.

Живя в своем скромном жилище в Нейи, Глазунов радушно принимал всех, особенно артистов, и нередко встречал Шаляпина и Рахманинова, питавших к нему большое уважение, как и все русские и иностранные музыканты. За границей, кроме композиции, Глазунов нередко давал концерты и вел большую переписку со всем миром искусства. Последние годы здоровье принудило Глазунова лечиться в Германии, на Вюртембергских курортах. 21 марта 1936 года он скончался и был похоронен на кладбище Нейи. Имя его навсегда запечатлено среди больших композиторов, которыми Россия вправе гордиться. Кроме того, его непримиримость к советам должна послужить примером и многим нашим эмигрантам.

А. Г.

КРУШЕНИЕ ИМПЕРИИ

Таково название книги, изданной в 1986 году в США внуками председателя Государственной Думы Михаила Владимировича Родзянко (1859—1924). Книга с иллюстрациями и представляет собой первое полное издание записок председателя Государственной Думы, с дополнением Е. Ф. Родзянко. Богатый помещик Екатеринославской губернии, служивший в кавалергардском полку, председатель Екатеринославской губернской управы, член Государственного Совета от Екатеринославского дворянства, камергер, председатель Государственной Думы третьего созыва от марта месяца 1912 года и переизбранный снова председателем Думы четвертого созыва, убежденный монархист, преданный государю Николаю II, он вместе с тем сознавал, что пришло время для представителей народа принять

участие в делах управления страной. Принадлежал он к партии октябристов, которых реакционные круги ненавидели, пожалуй, еще более, чем все левые группировки. Он принимал самое деятельное участие в работе по формированию прогрессивного блока в Думе, который, наконец, был создан в августе 1915 года.

В книге заметны нотки горечи ее составителя, так как, начиная с периода Белой борьбы и затем в эмиграции, особенно в Сербии, — его обвиняли в том, что он стал во главе революции и принудил государя Николая II к отречению от престола. Он, вернопопданный, в роковые февральские дни был поставлен совершившейся в Петрограде революцией, уходом в отставку правительства — постфактум — перед проблемой, как поступить: бро-

силье все и бежать поскорей из ставшего опасным Петрограда, как сделали многие члены Думы, или же выступить открыто против бесчинств и насилий, творимых революционно настроенными рабочими и вышедшими на улицу солдатами петроградского многочисленного гарнизона, и призывать их к порядку, к работе и дисциплине, постаравшись, пользуясь репутацией Думы как народного представительства, создать центр, чтобы противодействовать социалистическим возглавителям восстания, сразу взявшим курс против монархии. Эти руководители вторглись в Таврический дворец и создали быстро Совет рабочих и солдатских депутатов, считаясь с Думой — постольку, поскольку им угодно. Нельзя забывать, что растерявшееся правительство уполномочило председателя Совета министров князя Голицына вечером 27 февраля послать в Могилев телеграмму с отчаянным содержанием: правительство не имеет возможности справиться с бунтовщиками и предлагает самораспуститься, с назначением нового председателя правительства, пользующегося общим доверием. Как пишет Г. М. Катков в своем исследовании "Февральская революция": "До самой поздней ночи с 27 на 28 февраля Родзянко все еще надеялся спасти монархию, став во главе правительства и назначив регентом брата царя, великого князя Михаила. Он мог рассчитывать на поддержку великого князя объявить себя регентом, но великий князь не соглашался сделать это, не заручившись согласием брата". Последовало телеграфное сообщение великого князя в ставку, которое было доложено царю. Царь велел Алексею поблагодарить брата и известить его, что государь приедет и лично во всем разберется. "Этим кончилась последняя попытка Родзянко спасти монархию".

В ночь с 26 на 27 февраля Родзянко получил указ о роспуске Думы. С тяжелым чувством в душе он подчинился, но остался в помещении Думы, из которого он потом не выходил в течение пяти суток. Правительства не существует, государь далеко, ведь от Могилева кратчайшим путем до Петрограда было расстояние в 750 верст. Им был создан **неофициально** совет старейшин, на котором и был создан временный комитет, а затем временное правительство, председателем которого был избран князь Г. Е. Львов, уничижающую характеристику которого можно найти в обширных воспоминаниях А. Н. Наумова, как ни к чему не годного организатора и общественного деятеля. Родзянко, как слишком известного монархиста, не включили в состав временного правительства. Совет рабочих и солдатских депутатов поспешил закрепить за собой поддержку петроградского гарнизона своим приказом номер 1, выпущенным им в ночь с 1 на 2 марта. Реальная власть в столице

очутилась в руках революционеров — социалистов. После октябрьского переворота Родзянко удается с донскими казаками выбраться из столицы и пробраться на Дон. Он участвовал в Ледяном походе и умер в Сербии в 1924 году.

В начале книги читателю подается довольно обширное, на 45-ти страницах, повествование о Григории Распутине, "святом старце". Автор воспоминаний, будучи монархистом и честным, прямолинейным человеком с открытыми глазами, описывает то, что многими замалчивалось, преуменьшалось или вообще отрицалось. Он прослеживает карьеру Григория Ефимовича от ее начала до конца, считая его "безнравственным грязным проходимцем". Распутин появился в Петербурге перед Японской войной и, как известно, обманул своей показной богобоязненностью епископа Феофана, ректора Петербургской духовной академии, который ввел его в великокняжеский дворец, а оттуда его ввели, через посредство Анны Вырубовой, в царский дворец. Сначала он вел себя осторожно, оглядывался, присматривался и достиг назначения "царским лампадником", что дало ему возможность беспрепятственного входа в царский дворец.

Необыкновенно сильный мистицизм государыни Александры Федоровны, ее вера в святость Распутина, усиленная его гипнотическим влиянием на психику государыни, — не говоря уже о его помощи при заболеваниях наследника, — все вместе взятое помогло Распутину стать буквально оракулом в глазах государыни. Она верила каждому его слову и свою веру внушила государю.

Когда его положение как "святого старца" укрепилось, Распутин дал волю своей похоти, и о его приключениях с дамами пошли самые разнообразные слухи. Наконец, дело зашло так далеко, что приват-доцент Московской духовной академии Новоселов выпустил в свет брошюру, изобличающую Распутина в хлыстовстве. Брошюра была полицией конфискована, но газеты начали печатать из нее выдержки и к тому добавляли соблазнительные фотографии. Таким образом, распутинская история стала достоянием общественности. А кроме того, в Думе был поставлен запрос о незаконности изъятия брошюры. О личности Распутина, о его развратных похождениях, о вредном для трона пребывании Распутина при дворе, — говорили государю многие, начиная еще со Столыпина и включая великих князей, но никто из них так остро и напрямую не говорил ему об этом, как Родзянко. И влияние Григория Ефимовича постепенно так выросло, что к нему стали обращаться за протекцией не только обыкновенные смертные, но и министры. Его убийство в ночь с 16 на 17 декабря 1916 года не изменило положения. Появились кружки в па-

мать "старца", вызывались духи, его почитатели выставлялись на ответственные должности. Родзянко приводит многие случаи, из которых видно, как государь, благодаря своей слабовольности и нерешительности, поддавался влиянию других, не всегда компетентных и надежных лиц.

Период мировой войны для Родзянко полон заботами об армии, он занимался всеми делами, связанными со снабжением армии, с привлечением земских и городских учреждений к активному в этом участию. Он принимал деятельное участие в создании прогрессивного блока из разных фракций в Думе, а также в создании Особого совещания по вопросам продовольствия, топлива и транспорта.

Последняя аудиенция у государя была 10 февраля. Государь был к нему немилостив и на все доводы Родзянко о возможности революции в стране возражал ему, что сведения у него "совершенно противоположные", а ведь это было всего лишь за тринадцать дней перед началом революции, — 23 февраля 1917 года в так называемый "Женский День". Протопопов, министр внутренних дел, заверил государя, что все в порядке. Государь пребывал в Царском Селе безвыездно от 17 декабря и мог свободно остаться у себя дома еще дольше¹. Нужно помнить, что количество рабочих в Петрограде было около 400 тысяч человек, а петроградский гарнизон распух до необыкновенных размеров. Сколько было человек в гарнизоне, нам неизвестно. Приведем выдержки из воспоминаний министра земледелия А. М. Наумова, энергичного, делового человека, уволенного со своего поста из-за того, что он грубо принял Григория Ефимовича и из-за интриг Штюрмера². Вот что он пишет: "На одном из заседаний Совета министров в 1915 году я предложил произвести разгрузку Петрограда, мотивируя это крайней затруднительностью доставки в город продовольст-

вия. Я предлагал эвакуировать **400 тысяч воинских чинов**, 150 тысяч беженцев и 50 тысяч раненых". Через какое-то время он снова внес этот вопрос на заседании Совета министров. "Все данные были в моем министерстве тщательно разработаны, с указанием тех мер, благодаря которым подобная операция должна была пройти безболезненно и без нарушения интересов военного ведомства. Не успели члены Совета приступить к обсуждению моего доклада, как военный министр Шуваев выступает с неожиданным заявлением, что по вопросу о разгрузке Петрограда состоялась Высочайшая резолюция **этим делом не заниматься**". На недоуменные вопросы министров Шуваев заявил: "Царь этого хочет". Как ни возражал Наумов, ничего не помогло и "вопрос был снят с очереди и повис в воздухе". Снятие этого вопроса с очереди было фатальным для событий Февраля. Здесь не оправдалась старинная поговорка, что "народу мнение, а царю решение".

Заканчивая обзор книги, надо еще упомянуть, что в конце книги помещены небольшое добавление, написанное Е. Ф. Родзянко, и несколько страниц стенографического отчета заседания Думы 1 ноября 1916 года. Интерес представляет помещенное в добавлении предложение Родзянко Деникину, касающееся помещичьих земель в районах, занятых Добровольческой Армией.

Книга издана: Multilingual typesetting 56 Rockland Lake Park Valley Cottage, New York, 10989. Цена 16,50 доллара.

¹Государь выехал в Ставку 22 февраля, совершенно успокоенный Протопоповым.

²Нам кажется, что лишь второе сыграло решающую роль в увольнении Наумова. Штюрмер не терпел около себя умных и энергичных людей (В. Пирожкова).

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Рискуя навлечь на себя нападки, я должна сказать, что смотрю на роль Распутина при дворе несколько иначе. Хотя Родзянко должен был бы, казалось, знать, что происходило, я должна сказать, что мои собственные изыскания — далеко не полные — не смогли установить такого влияния Распутина на государя, как это повсюду утверждается. В частности, я не знаю ни одного конкретного случая влияния Распутина на назначение министров. Обычно приводится пример министра внутренних дел Протопопова. Но на самом деле на назначении Протопопова настаивала либеральная часть Думы. Протопопов, став министром, резко повернул направо и вызвал ненависть тех, кто настаивал на его назначении. Они ему сейчас же отомстили, прицепив ему ярлык "распутинца", им было это не так трудно сде-

лать, т. к. Протопопов демонстративно принимал у себя Распутина, что другие министры боялись делать. Самая незначительная встреча с Распутиным приносила министру или другому члену правительства кличку "распутинец".

На самом деле Распутин очевидно не имел влияния на политику, т. к. ему не удалось добиться самого важного: чтобы Россия не вступала в войну или, уже после вступления, чтобы она заключила сепаратный мир с Германией. Распутин был резко против войны, но государыня, которая якобы находилась под сильным влиянием Распутина, была скорее за вступление России в войну, т. к. она не могла терпеть императора Вильгельма. Первое покушение на Распутина было сделано в Сибири, как раз в то время, когда дело шло к первой

мировой войне. Распутин был тяжело ранен и, находясь в сибирской больнице, слал императору телеграмму за телеграммой с одним и тем же содержанием: "Не начинай войны!" Сам он из-за ранения не мог приехать в Петербург. На это можно возразить, что войну объявила Германия и России осталось только воевать. Но известно, что перед объявлением войны были шансы предотвратить ее начало, но если государь и находился тогда под чьим-либо влиянием, то под влиянием своего министра иностранных дел Сазонова, англомана, стремившегося к войне с Германией. Вот тоже пример того, что Распутин не имел никакого влияния на назначение министров: если бы имел, то в первую очередь убрал бы Сазонова, что для России, вероятно, было бы только хорошо.

Так же и потом Распутину не удалось склонить государя к попытке заключить сепарат-

ный мир с Германией, который мог бы спасти Россию от ужаса 17-го года и всего последующего. Но круги англофилов боялись, что Распутин в конце концов будет иметь успех. Убийство его организовал другой известный англоман — граф Юсупов.

Я не хочу касаться личной жизни Распутина. Вероятно, многое было клеветой, но, возможно, многое и правдой. Я хочу только сказать, что в политическом отношении его влияние было минимально и что, если бы оно было больше, не исключена возможность, что Россия была бы спасена от революции: я имею в виду попытку избежать войны или потом заключить сепаратный мир. В народе так это и понимали. После убийства Распутина в народе говорили: "Одному мужику удалось добраться до царя, и того баре убили. А он нас жалел, был против войны".

В. ПИРОЖКОВА

ВОПРОСЫ СОВЕСТИ

Письмо в редакцию

Обрушиваясь на меня в "Вече" №23, г-н Нефедов и Красовский снижают тон до уровня перебранки. Постараюсь им не подражать.

Г-н Нефедов именует меня **некий Рудинский**. На русском языке **некий** означает, приблизительно, "никому не известный" или "мало кому известный". Как факт, я начал работу в эмигрантской печати в 1945 г., в Париже, в журналах народного социалиста С. П. Мельгунова "Свободный Голос" и конституционного монархиста Е. А. Ефимовского "Русский Путь"; а затем писал в десятках печатных органов, кои тут невозможно перечислить, включая толстые журналы "Возрождение" и "Новый Журнал". В газете же "Наша Страна" и в журнале "Голос Зарубежья" я регулярно сотрудничаю с их возникновением по сей день (Замечу, что г-н Нефедов тоже состоял прежде в сотрудниках "Голоса Зарубежья", а в "Нашей Стране" и по сей час пописывает; так что уж ему-то мое имя должно быть хорошо знакомо). В силу чего, те, кто следит за русской печатью за рубежом, меня знают; а кто не следит, но имеет доступ к архивам, может мои слова проверить. Хвалиться здесь нечем; но теперь, когда издающиеся по сю сторону Железного Занавеса журналы и газеты проникают в СССР и когда значительная часть наших читателей состоит из людей лишь недавно покинувших родину, я считаю себя обязанным для них всех данный вопрос уточнить. Деятельность же самого г-на Нефедова, не столь уж давняя и ограниченная кругом изданий весьма определенного типа, вряд ли дает ему право смотреть на меня сверху вниз.

Г-н Красовский выражается еще грубее, и еще менее убедительно, расценивая меня как

графомана и психопата. По первому пункту скажу, что навряд ли настоящий графоман мог бы, в числе прочего, быть много лет постоянным сотрудником такой газеты, как "Новое Русское Слово", стоящей (или, во всяком случае, тогда стоявшей) на высоком профессиональном уровне (а я оттуда ушел, добавлю, когда разошелся во взглядах с редакцией). По второму же пункту, который г-н Красовский распространяет и на В. А. Пирожкову, приходится констатировать, что редактор "Веча" пользуется приемами большевиков; все, кто с ним не согласен, провозглашаются им сумасшедшими. Разница в том, что в Советском Союзе за властями стоит и реальная сила; а на Западе ее у мюнхенского альманаха, по счастью, нет.

Другое еще определение, применяемое ко мне г-ном Красовским, — **примитивный**, — выглядит не столь обидно, как загадочно. Подходя с точки зрения академической, — сомнительно, чтобы у г-д Красовского и Нефедова образование было больше моего (2½ высших учебных заведения, в двух разных странах). С позиции же широты интересов, — опять-таки я, пожалуй, мог бы выдержать соревнование с г-ном Нефедовым. Ну а с г-ном Красовским сравнение невозможно: он нигде не пишет вообще.

Жалобы и обвинения, выдвигаемые против нас "Вечем", носят крайне несерьезный характер. Идея, что "Голос Зарубежья" боится "Веча" как конкурента, целиком ошибочна. У нас с ним разный круг читателей; и мы не наблюдали, чтобы кто из них от нас туда перешел. Что же до **многих** сотрудников, упоминаемых г-ном Нефедовым, они пребывают в двойственном числе: сам г-н Нефедов, ко-

тому у нас и впрямь было не место, да иг. Геннадий Эйкалович, которого "Г. З." перестал печатать еще до появления "Веча". Уход их, взвешивая все обстоятельства, для нас скорее blessing in disguise. Главное же, линия нашего журнала никоим образом не определяется меркантильными соображениями подобного рода. Тут редактор "Веча" мелко плавает; видимо, не будучи в состоянии понимать наличие **идеологических** причин, какие для нас стоят на первом месте.

Неверно также и предположение г-д Нефедова и Красовского, будто В. А. Пирожкова мне поручила **облаивать** их журнал. Выражаясь их же языком, я лаю, как и подобает хорошему псу, при виде волка, и вдвойне, — когда волк облачен в овечью шкуру. Приказать сотруднику писать что-либо против его убеждения, — такие методы, может быть, и практикуются в "Вече", но отнюдь не в "Голосе Зарубежья". Здесь каждый говорит, что думает, а редакция может только не принять статью или сделать к ней примечание. Относительно же "Веча", случилось так, что у меня с В. А. Пирожковой взгляды полностью совпали. Забавно, что один известный журналист, тот, наоборот, выразил подозрение, что это я, мол, подбиваю Пирожкову критиковать "Вече". Надо ли доказывать, что его мнение — тоже превратно?

Самый странный упрек мне под пером г-на Нефедова есть тот, что я (как и весь-де наш журнал) **равняюсь на левофланговый нос**. Я всегда был, остаюсь и намерен оставаться монархистом-легитимистом, чего никогда и не скрывал. Если есть левые, согласные с моею программой, то что ж: я от души буду рад с ними действовать сообща. Но вот какие взгляды у самого г-на Нефедова? Он их упорно не раскрывает! Видимо, он не монархист и не республиканец. Стоит он за военную диктатуру, за господство единой партии? Почему бы нет; но хорошо бы ему так и объявить публике.

Поспешу заодно ответить на его вопрошение: кому нужен "Голос Зарубежья". Он нужен антикоммунистам, русским и даже иностранным. И особенно — сейчас, когда сторонники соглашения, примирения, а то и союза с большевиками все более открыто поднимают голову (что раньше было немислимо!).

Позволю себе мимоходом выразить удивление, что мои почтенные оппоненты хотят защищать от меня русских журналистов. Я-то стараюсь судить объективно и по справедливости, в меру сил; а вот г-н Нефедов то и дело накидывается на своих собратьев по публицистике, *пassez-moi le mot*, подобно бешеной собаке. Последние по времени его жертвы — В. Вулич, В. Богдан, С. Бадаш и В. Завалишин, а прежде и покойный уже ныне

А. Опульский (теперь же г-н Нефедов претендует на дружбу с этим последним; в духе поговорки "Вали как на мертвого!").

От внимания читателя не ускользнет то любопытное обстоятельство, что сотрудники "Веча" громко негодуют на нашу критику, но избегают обозначать, вокруг чего она делалась; как равно и их настойчивые повторения, что "Вече" есть орган **православный**. Между тем, вопреки создаваемому ими мифу, полемика ни разу не касалась богословских или религиозных проблем; речь шла, преимущественно, о вопросах **политических**. А в этой области концепции "Веча" никак не связаны с православием; что я и постараюсь далее показать.

Переходя к сути дела, первые мои замечания о позициях "Веча", сформулированные, кстати сказать, не в "Голосе Зарубежья", а в "Нашей Стране" (и по просьбе ее редакции), — относились ко следующему: альманахы выступал, адресуясь к правому сектору эмиграции, но абсолютно не упоминал о монархистах. Для него вопрос о монархии как бы не существовал; о ней и речи не было. Самое слово **монархия** как правило в нем не употребляется (**единственное** исключение — благородная статья В. Вулич в №21). Подобная установка мне представлялась глубоко фальшивой. Но ладно: пусть "Вече" стоит на не-предрежденческой платформе, твердо предреждая только недопустимость монархического строя. Мало ли какие встречаются aberrации!

К сожалению, позже начали проявляться и иные, еще более неприятные тенденции. Все более стало выпирать намерение расчленить Россию, в частности, во что бы то ни стало, отделить все ее части с мусульманским населением. Подчеркнем: намечается не плебисцит, не самоопределение, а то, чтобы русские сами отмежевались от своих братьев и сограждан и насильственно исключили бы их из состава Империи, не спрашивая вовсе об их желаниях. Затем появилось на сцену утверждение, что октябрьская революция была необходимой и истинно народной; что в гражданскую войну на стороне красных дралась **чудесная русская молодежь**, боровшаяся за счастье и лучшее будущее всего мира, а сопротивлялись ей подонки и бездельники, больше времени проводившие в кафе и ресторанах, чем на фронте. Те из этих реакционеров, что эмигрировали и уцелели за границей, достойны, разумеется, глубокого презрения.

Сии легенды отлично нам знакомы: они стряпаются на большевистской кухне и, к сожалению, довольно широкое хождение имели за рубежом в 30-е годы, распространяемые всякими Осоргинами, охотниками до "двух правд", и частью младороссов, опьяненных сталинскими пятилетками. Воскрешение подобных сказок в наши дни, после И. Л. Со-

лоневича и А. И. Солженицына, — не только преступно, но и до предела нелепо.

Отсюда один шаг, и он был идеологами "Веча" быстро сделан, до проповеди сговора с чекистами. Полились из их уст сладкие речи, будто в КГБ сидят сегодня не неграмотные матросы, а умные культурные люди, с которыми эмигранты могут и должны найти общий язык. Так Поляков писал в "Русской жизни". Вот что нам неприемлемо. Вот против чего мы протестовали и протестуем.

Прочитуем еще и последнее выступление О. Полякова, штатного идеолога "Веча", но тоже на страницах "Русской жизни", а не "Веча". Тут он присоединяется к травле власовцев и к нынешним мероприятиям американского правительства по истреблению и искоренению второй эмиграции. Передаем ему слово: "К сожалению, во Второй Мировой Войне мы видели воинские части из добровольцев, а также отдельных лиц, деятельность которых была направлена не на службу России, а преимущественно, а то и полностью на пользу немцев".

Вот что доподлинно называется **держатъ равнение на левофланговый нос** (а свой — держать по ветру!). Не ведаем, придет ли время на Земле, когда у ретивого писаки спросят отчет за злободневные его доносы американо-советской комиссии; но верим, что на небесах он услышит: "Каин, где брат твой Авель?" А лексика его — куда как нам привычная; мы ее наслушались в 40-е гг. из рта совпatriотов.

Но что во всех этих мероприятиях православного?! Православие жило в согласии с царской властью (на церковном языке, в симфонии), благословляло расширение пределов России и никогда не требовало ее разделения; во время революции поддерживало белых, а не красных, а во Вторую мировую войну истинные-то пастыри, как, скажем, о. Александр Киселев, призывали Бога укрепить дело генерала Власова. В пользу Советов действуют только духовные лица, принужденные ими или подкупленные, или, наконец, чекисты, переодетые в рясы. Тогда как за рубежом православная церковь взирает на советский режим как на исчадь ада. Зря г-н Поляков и его сообщники прячутся за православный крест: они молятся не нашему Богу!

Коснусь теперь того, что можно было назвать **скандал вокруг писем**.

С самого своего начала русская эмиграция живет, как в осажденной крепости, за воротами которой бродят, стараясь проникнуть внутрь, вражеские лазутчики. Что она еще недостаточно осторожна и опаслива, о том свидетельствуют похищения генералов Куте-

пова и Миллера, Трест и немало другого.

Диво ли, что люди постоянно говорят и пишут друг другу: "Не доверяйте Н. Н.! Есть основания его подозревать..." или "Что вы думаете о П. П.? Надежный ли он человек?" Конечно, часто сомнения оказываются напрасными. Но какими иными путями защищаться от провокаторов? Они редко попадают с поличным (разоблачают себя лишь после того, как их миссия выполнена). Ну, когда уж **есть** доказательство, то с ними легче бороться.

Такие письма, как упомянутые выше, кто из нас, эмигрантов (и в первую голову, — причастных к политической и общественной работе) не посылал и не получал? И против кого из нас обвинения врагами не делались? Принято обвиняющим отвечать в печати, если обвинение было высказано публично, или лично, и не слишком корректно обращаться в иностранный суд: он разбирает по своим, чуждым нам законам, и он некомпетентен в наших внутренних беженских делах.

Опубликовать же чужие личные письма без согласия автора (по крайней мере, пока он жив) есть действие если уголовно и не наказуемое, то, безусловно, — морально некрасивое; а уж еще с ним и обращаться в суд — и совсем!.. Впрочем г. г. Нефедов и Красовский столкнулись с фактом, что суд бы их жалобу, по формальным резонам, и не принял.

Да и на что жаловаться? В письме, ими приводимом, передаются слухи, за которые автор и отвечать не может никак. Слухи, верные или ложные, раз они были, естественным являлось знакомого о них предупредить, предохраняя от неприятностей. И о диффамации нельзя говорить, поскольку письмо было не публичное.

Вот они сами, перенося дело в печать, придают ему публичный характер; так что это **на них** законно было бы жаловаться.

Печально, что щепетильные и болезненно обидчивые за себя г. г. Нефедов и Красовский не стесняются сами не только пускать в ход оскорбительные слова по адресу своих противников, но и бросать более чем прозрачные намеки, что те мол суть агенты большевиков, причем не в личных письмах, а в печати. Очевидно, следуя правилам готтентотской морали: "Плохо, если у меня украдут корову; хорошо, если я украду сам". Их инсинуации смешны в отношении людей как В. А. Пирожкова или я: мы отдали жизнь борьбе против коммунизма и ей неуклонно всегда служили. Не хочу употреблять стертого слова **жертвенно**; но чистая правда, что нам эта борьба стоила, и сегодня ежечасно стоит, многих жертв. Могут ли наши противники то же сказать о себе?

Владимир РУДИНСКИЙ

ЧЕРНОБЫЛЬ — ЧЕРНОБОЛЬ

Когда зло непреодолимо, когда ни во что нет веры и заглушить боль нечем (ведь и водка теперь в СССР превращена в дорогостоящий дефицит), у Homo sovieticus'a остается еще одна возможность выстоять душевно: попытаться представить себе страшное смешным. Именно этот феномен сатиры отчаяния — и ранее проявлявшийся в подсоветском анекдотном фольклоре — особенно ярко выступил в горьком, мрачном и циничном "антисмехе" серии анекдотов, посвященных чернобыльской катастрофе. Из Советского Союза продолжают поступать все новые анекдоты, касающиеся различных ее аспектов. Некоторые из них, ставшие известными в свободном мире этим летом, были даже использованы западными экспертами в их дискуссиях с советскими коллегами на августовской сессии МАГАТЭ в Вене.

Хотя советский официальный отчет о катастрофе доступен в Советском Союзе немногим, некоторые его положения уже успели отразиться в последних "чернобыльских" анекдотах.

Черная быль продолжается. "Армянское радио" отвечает на больные вопросы:

А/р — Как проходили в Киеве первомайские торжества?

— Очень весело. Как пир во время чумы.

А/р — Как участвовали киевляне в демонстрации?

— Активно, как никогда. На трибунах — партактивные, во главе колонн — спортактивные, в колоннах — радиоактивные.

Улицы излучали радость.

А/р — Какой была тогда погода в Киевской области?

— Переменная облачность, ветер восточный умеренный. Максимальная температура воздуха 1500 градусоу.

— Значителен ли материальный ущерб от катастрофы?

— Ущерб незначителен, если не считать половины урожая на половине Украины.

— Как отразится катастрофа в Чернобыле на выполнении решений XXVII съезда?

— Пока не знаем, но лиха беда начало.

— Увидим ли мы светлое коммунистическое будущее?

— Насчет коммунизма — не знаем, а будущее уже светится.

А/р — Что делать, если испортился рентгеновский аппарат?

— Заменить его беженцем из Чернобыля.

— Какой теперь самый популярный в Союзе коктейль?

— "Киевский лучистый".

— Что такое котлета по-киевски?

— Положишь на тарелку — светится.

— Правда ли, что Днепр будет впредь называться Угрюм-река?

— Да, потому что редкая птица долетит до его середины.

Армянское радио интервьюирует киевлянина:

— Как жизнь?

— Плохая, зато короткая.

Объявление в газете "Чернобыльская правда": "Меняю четырехкомнатную квартиру со всеми удобствами, с живописным видом на ядерные реакторы, на любую лачугу в любом месте, достаточно удаленном от таковых. Хиросиму и Нагасаки прошу пока не предлагать".

Напутствие мобилизованному на работы в Чернобыле:

"Запорожец" — не машина,

Киевлянин — не мужчина.

Если хочешь быть отцом —

Прикрывай себя свинцом.

Объявление в "Вечернем Киеве":

"Радиоактивный ищет радиопассивную..."

Катится по лесу колобок. Навстречу лиса.

— Колобок, колобок, я тебя съем.

— Берегись! Я не колобок, а ежик из Чернобыля.

— Чем измеряется уровень дружбы между советским и польским народами?

— Счетчиком Гейгера.

А/р — Чем ответил Советский Союз на взрывы в Неваде?

— Взрывом в Чернобыле.

А/р — Какое новое предложение внесет Горбачев на следующей встрече с Рейганом?

— Объявить мораторий на взрывы реакторов.

— Чем будет отмечено начало следующего тысячелетия?

— Открытием в Чернобыле памятника Горбачеву — в форме петровских времен, в позе Ленина на броневике, с рукой, протертой

на северо-запад. На постаменте надпись: "ОТ- СЕЛЬ ГАЗИТЬ МЫ БУДЕМ ШВЕДУ".

- Как это все отразится на будущем?
- Как аукнулось — так и откликнется.

Через двести лет. Идут бабушка и внучка. Перед ними огромная черная яма. Бабушка спрашивает:

- Ты знаешь, что это?
- Это осталось от реактора, — отвечает внучка.

— Правильно, — говорит бабушка и гладит ее по головке.

Идут дальше. Перед ними другая черная яма. Бабушка снова спрашивает:

- А это что, ты знаешь?
- Это осталось от другого реактора, — отвечает девочка.

— Правильно, — говорит бабушка, — и гладит ее по другой головке.

А/р — Как будет отмечаться в Советском

Союзе день 26-го апреля?

- Как день советской радиации.

— Что может быть хуже, чем попасть из огня в полымя?

- Попасть из Афганистана в Чернобыль.

А/р — Правда ли, что катастрофа реактора произошла из-за плохого планирования незапланированных экспериментов с турбиной?

— Может быть, и правда, только непонятно, кому они были нужны.

А/р — Надо ли обучать операторов атомных электростанций быстро и правильно действовать в критических ситуациях?

— Надо. Особенно, если предполагается создавать такие ситуации и далее.

А/р — Возможна ли в принципе защита реактора от дурака?

— Даже от идиота, но только не руководящего.

Таков этот черный "чернобыльский" юмор. Но может ли он быть иным???

Собрал и подготовил С. ТИКТИН.

"ЭТОТ ЮМОР РАСКРЫВАЕТ МИРИАДЫ ИСТИН".

Рональд Рейган

ОБЪЯВЛЯЕТСЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ПОДПИСКА
на книгу Д. Штурман и С. Тиктина

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ В ЗЕРКАЛЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО АНЕКДОТА

Издание второе
исправленное и дополненное

Цена книги — 21 \$.

Для подписчиков цена, включая доставку заказной бандеролью
морем — 16 \$, авиапочтой — 17,5 \$.

Некоторое повышение стоимости книги вызвано увеличением ее объема,
в основном за счет НОВЫХ анекдотов богатых событиями 1985—1986 гг.

Чеки посылать по адресу:

S. Tiktin, 422/6, Misrakh Talpiot, Jerusalem 93802, Israel
с любой датой оплаты до 1 апреля 1987 года.

Просьба к подписчикам сообщать свой подробный адрес.

КНИГА ВЫЙДЕТ В ТЕЧЕНИЕ 1987 ГОДА

Почему такая великолепная теория уже столько лет приводит к совершенно противоположным результатам?

Ян Прохазка

*Плохие свойства человека как такового?
Плохие руководители? Плохие народы? Плохая история?
Может ли централизованное в масштабах государства
производство и распределение сосуществовать с правами
человека и со свободным обращением информации в обществе?
И ПОЧЕМУ МОЖЕТ ИЛИ НЕ МОЖЕТ?*

На эти вопросы отвечает
КНИГА ДОРЫ ШТУРМАН
"НАШ НОВЫЙ МИР"
ТЕОРИЯ. ЭКСПЕРИМЕНТ. РЕЗУЛЬТАТ

Рукопись книги, циркулировавшая в Самиздате с начала 1970-х гг., была нелегально вывезена из СССР. Автор, выехавший вслед, издал ее в 1981 году, дополнив (спустя десять лет) новыми фактами и статистическими данными, которые убедительно показали достоверность "подпольного" анализа. Новое издание расширено и дополнено материалами 1980-х гг., еще более четко подтвердившими первоначальные прогнозы.

Объем книги — 460 страниц. Цена — 15 долл. Пересылка в Европу и США морской почтой — 1,7 долл.; авиапочтой: в Европу — 2,5 долл., в США — 3,5 долл. Книгу можно получить, отправив чек по адресу: S. Ticin, 422/6 Mizrah Talpiot, Jerusalem 93802, Israel.

М. М. РОЗАНОВ

**СОВЕТСКИЙ КОНЦЛАГЕРЬ В МОНАСТЫРЕ
1922 — 1939 годы**

Книга первая. Издание автора, 1979, 302 стр. Стоимость 9 дол. **Книга вторая.** Издание автора, 1980, 176 стр. Стоимость 7 долл. Заказы направлять по адресу:

**Mr. Rozanov, P.O.Box 21, Sta F. Buffalo,
N. Y. 14212, USA.**

**ВЕРОНИКА АРЕНС-ПУЛАВСКАЯ
GLOBUS — A SLAVIC BOOKSTORE**

Предлагает книги, напечатанные эмигрантскими издательствами. Имеются новинки, старые редкие книги, журналы, газеты, открытки, пластинки, кассеты, плакаты. Разыскиваем редкие книги по заказам. Выполняем заказы по почте. Адрес: 332 Balboa str., San-Francisco, CA 94118, USA. Телефон: (415) 668-4723. Магазин работает ежедневно, кроме воскресенья, с 10 до 6.

Главный редактор: В. Пирожкова * Verantwortlich für den Inhalt: V. Piroshkow
Адрес редакции: V. Piroshkow, Einsteinstr. 104/III, D — 8000 München 80, Deutschland
Банковский счет: Hypotheken- und Wechselbank, 8 München, Konto Nr. 2760094318

За статьи и письма, подписанные фамилией
или псевдонимом автора, редакция не отвечает
Перепечатка разрешается, но с указанием источника

